

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Материалы заседания
18 марта 2023 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Нестик Тимофей Александрович

профессор РАН, доктор психологических наук,
кандидат философских наук, заведующий лабораторией
социальной и экономической психологии
Института психологии РАН

Волков Денис Александрович

социолог

Преснякова Людмила Александровна

кандидат политических наук,
руководитель группы «Финансовое поведение»
Фонда "Общественное мнение"

НКС ООН РАН

Научно-консультативный совет по правовым,
психологическим и социально-экономическим проблемам
общества Отделения общественных наук РАН

АРБ

Ассоциация российских банков

НИИ ДДиП

Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Материалы заседания 18 марта 2023 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2023

УДК 316.6(470+571) (063)
ББК , 60.524.11(2Рос) я431+88.52(2Рос) я431
П86

Психологическое состояние российского общества : материалы совместного заседания НКС ООН РАН и НИИ ДДиП 18 марта 2023 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук; Ассоциация российских банков; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуяна]. — М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 192 с. – ISBN 978-5-6050015-7-7

В предлагаемом вниманию читателей сборнике публикуются доклады известных психологов и социологов, основанные на социологических исследованиях и опросах о психологическом состоянии общества, динамике общественных и экономических настроений населения в 2022 году, а также о парадоксальном экономическом оптимизме, свидетелями которого мы стали.

И доклады, и их обсуждение – серьезный разговор о том, как сложившаяся ситуация влияет на все сферы жизни нашего населения, на экономику страны в целом и на экономическое поведение ее граждан, а также о том, какие последствия происходящие изменения несут как для общества в целом, так и для отдельных его слоев.

УДК 316.6(470+571) (063)
ББК , 60.524.11(2Рос) я431+88.52(2Рос) я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6050015-7-7

© Тосуян Г.А., составление, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	5
---	----------

Справка.....	9
---------------------	----------

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	14
<i>проф.</i> РАН НЕСТИК Т.А.	20

ДОКЛАД 1. ВОЛКОВ Д.А. ....

<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	47
<i>проф.</i> МИРКИН Я.М. – ВОЛКОВ Д.А.	48
<i>чл.-корр.</i> ЧЕРНЫШ М.Ф.	50
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	52
<i>акад.</i> УГРЮМОВ М.В. – <i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	53
<i>акад.</i> ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – ВОЛКОВ Д.А.	59
<i>акад.</i> УГРЮМОВ М.В.	63
<i>чл.-корр.</i> ЕЛИСЕЕВА И.И. – ВОЛКОВ Д.А.	64

ДОКЛАД 2. к. полит. н. ПРЕСНЯКОВА Л.А. ....

<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	92
<i>проф.</i> МИРКИН Я.М. – <i>к.полит.н.</i> ПРЕСНЯКОВА Л.А.	93
<i>акад.</i> ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – <i>к.полит.н.</i> ПРЕСНЯКОВА Л.А. ...	97
<i>чл.-корр.</i> ТОЩЕНКО Ж.Т. – <i>к.полит.н.</i> ПРЕСНЯКОВА Л.А. .	101
<i>акад.</i> УГРЮМОВ М.В. – <i>к.полит.н.</i> ПРЕСНЯКОВА Л.А.	103
<i>чл.-корр.</i> ЧЕРНЫШ М.Ф. – <i>к.полит.н.</i> ПРЕСНЯКОВА Л.А. ...	104
<i>чл.-корр.</i> ЕЛИСЕЕВА И.И. – <i>к.полит.н.</i> ПРЕСНЯКОВА Л.А. .	109
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А. – <i>к.полит.н.</i> ПРЕСНЯКОВА Л.А.	112

ДОКЛАД 3. проф. РАН НЕСТИК Т.А.	115
<i>акад. УГРЮМОВ М.В. – проф. РАН НЕСТИК Т.А. ....</i>	<i>136</i>
<i>проф. МИРКИН Я.М. – проф. РАН НЕСТИК Т.А. ....</i>	<i>139</i>
<i>акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – проф. РАН НЕСТИК Т.А. ....</i>	<i>141</i>
<i>акад. УШАКОВ Д.В. ....</i>	<i>146</i>
<i>акад. УГРЮМОВ М.В. ....</i>	<i>151</i>
<i>акад. ТОСУНЯН Г.А. ....</i>	<i>156</i>
<i>д. э. н. МЕДВЕДЕВ П.А. ....</i>	<i>157</i>
<i>чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. ....</i>	<i>161</i>
<i>проф. МИРКИН Я.М. ....</i>	<i>165</i>

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

ВОЛКОВ Д.А.	168
<i>к. полит. н. ПРЕСНЯКОВА Л.А. ....</i>	<i>171</i>
<i>проф. РАН НЕСТИК Т.А. ....</i>	<i>174</i>
<i>акад. ГУСЕЙНОВ А.А. ....</i>	<i>177</i>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

<i>акад. ТОСУНЯН Г.А. ....</i>	<i>183</i>
--------------------------------	------------

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, опубликованной

по итогам заседаний

НКС ООН РАН и НИИ ДДиП.....	189
------------------------------------	------------

**Состав Научно-консультативного совета
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам
общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руководи-
тель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра перспек-
тивных исследований национальной без-
опасности России Экспертного института
НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоциации
русских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального исследова-
тельского института Доверия, Достоинства и
Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Института си-
стемного программирования им. В.П. Иван-
никова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и
интервенционной радиологии им. Н. А. Ло-
паткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиоло-
гии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник
отдела методологических и междисци-
плинарных проблем развития науки Инсти-
тута истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-
секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатори-
и Всероссийского НИИ авиационных ма-
териалов

ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института
социологии ФНИСЦ РАН

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кута-
фина (МГЮА)»

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Ин-
ститута экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской об-
щественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий
кафедрой банковского дела и страхования
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель
Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ	чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова
ПОГОСЯН ГЕВОРК АРАМОВИЧ	иностраннный член РАН, д. социол. н., член президиума Национальной академии наук Республики Армения
САВЕНКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ	чл.-корр., д. ю. н., директор Института государства и права РАН
САННИКОВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА	д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук
САРКИСЯН ТИГРАН СУРЕНОВИЧ	к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития
СМИРНОВ АНДРЕЙ ВАДИМОВИЧ	академик, д. филос. н., директор Института философии РАН
СОЛОДКОВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ	к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ
ТЕДЕЕВ АСТАМУР АНАТОЛЬЕВИЧ	д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова
ТИХОМИРОВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	д. ю. н., заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России
ТОРШИН АЛЕКСАНДР ПОРФИРЬЕВИЧ	к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

**ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ**

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

**УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ**

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

**УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ**

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

**ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА**

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

**ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

**ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ**

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

**ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ**

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

**ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА**

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

**ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ**

д. филос. н., профессор

**ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ**

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

Справка

- о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
- о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ»
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы:

«В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят

«Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимали и принимают участие банкиры, представители

ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учреждён Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами,

интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества

«войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 88 «Рабочих завтраков у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведёт проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются **более 80 российских вузов**, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 80 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около **2 тыс. человек**.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялось 75 дискуссий.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Доброе утро!

Рад всех приветствовать на совместном заседании Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук РАН и Национального исследовательского института Доверия, Достоинства и Права в формате «Рабочего завтрака».

На заседание зарегистрировались более 100 человек, в том числе 15 членов РАН и 8 профессоров РАН, ряд банкиров и другие наши коллеги.

Хочу выразить благодарность Тимофею Александровичу Нестику, взявшему на себя с коллегами непростою задачу – подготовку такой глобальной темы, как психологическое состояние российского общества.

Повестка дня.

1. Вступительное слово профессора РАН **Нестика Тимофея Александровича**, доктора психологических наук, кандидата философских наук, заведующего Лабораторией социально-экономической психологии Института психологии РАН.

2. Доклад социолога **Волкова Дениса Александровича** «Динамика общественных настроений в 2022 году».

3. Содоклад **Пресняковой Людмилы Александровны**, социолога, кандидата политических наук, руководителя группы «Финансовое поведение» Фонда «Общественное мнение», «Экономические настроения населения. Динамика оценок и ожиданий».

4. Завершит повестку дня Тимофей Александрович своим докладом «Психологическое состояние российского общества: индивидуальные и групповые механизмы жизнеспособности в условиях кризиса».

Несколько вступительных слов.

Напомню, что во время пандемии мы на наших заседаниях в разных контекстах затрагивали проблемы общественного настроения и психологического состояния.

Не успели в какой-то степени утихнуть страсти, связанные с пандемией, как наступил период еще более сложный, связанный с обострением геополитической ситуации и вытекающей из нее глобальной нестабильностью.

Я выражаюсь очень деликатно.

Больше года наша страна, и не только наша страна – весь мир, живет в этой, мягко говоря, нестабильности.

Очевидно, что сложившаяся ситуация довольно серьезно влияет на все стороны жизни общества.

Было бы желательно услышать мнение профессионалов социально-психологического профиля по этой теме, чтобы они рассказали нам в той степени, в которой сочтут возможным и нужным, как сложившаяся за последние годы обстановка влияет на наших сограждан.

Мы в очень нестабильной и сложной ситуации живем – последние три года как минимум.

Хотя и предыдущий период нельзя назвать благоприятным.

Жизнь никогда не бывает гладкой.

Но последние три года заслуживают особого внимания.

Необходимо понять, как сложившаяся ситуация влияет на такие факторы нашего общества, как уверенность в завтрашнем дне, сроки горизонта планирования, оценка своего будущего и будущего своих детей.

Как влияет на возможность обеспечивать достойный уровень жизни своей семье.

Чувство собственного достоинства, по крайней мере для нашего Института Доверия, Достоинства и Права, – это один из важнейших индикаторов комфорта для личности и общества.

Поэтому необходимо понять влияние на этот фактор материального и психологического состояния общества, на которое существенное воздействие оказывают в том числе экономические санкции.

Это важно еще и потому что, на мой взгляд, отношение к твоей стране довольно болезненно влияет на чувство собственного достоинства любого уважающего себя гражданина.

Хотелось бы услышать мнение наших коллег и о том, как меняется наше общество, какие последствия эти изменения несут как для самого общества в целом, так и для отдельных его слоев, в том числе для интеллигенции, если этот термин еще находится в обиходе.

В советское время у нас очень активно использовались понятия «рабочий класс», «крестьянство», «интеллигенция».

Но сейчас социальные градации сместились в несколько другие проекции: олигархи, миллиардеры, бизнесмены, чиновники, авторитеты, слабо защищенные слои населения, живущие за чертой бедности и т. д. и т. п.

Как можно оценить психологическое состояние общества в целом?

Какова степень его психологического расслоения?

О материальном расслоении мы часто здесь говорили, а проблемы психологического расслоения затрагивали реже.

Было бы интересно понять взаимосвязь экономического расслоения и психологического расслоения, их взаимовлияние.

Как психологическое состояние общества может влиять на экономику страны в целом и на экономическое поведение его граждан?

В этом контексте не могу не обратить внимание на инфляционные ожидания – предположения людей относительно роста цен в будущем.

Это очень важный фактор.

Ситуация с инфляцией, ключевой ставкой, процентными ставками банков в прошлом году была очень, мягко говоря, неординарная и нестабильная.

Правда, объективности ради, надо сказать, что ожидания в начале прошлого года были на порядок пессимистичнее.

Но, слава Богу, пока самые пессимистичные ожидания некоторых представителей финансового рынка не оправдались.

Хотя здесь особый акцент надо сделать на слово «пока».

Дай Бог, чтобы они не оправдались никогда.

Вы знаете, что Банку России пришлось резко повысить ключевую ставку до 20%.

Соответственно, процентные значения по банковским вкладам и кредитам следовали этой динамике.

По вкладам на срок 3–6 месяцев банки повышали ставки до 24–25%.

Это очень сильно на какое-то время дестабилизировало рынок.

Но и позитивный эффект тоже был: по крайней мере, быстро была погашена паника.

Сейчас ключевая ставка 7,5%, то есть мы вернулись к более-менее стабильному состоянию, если его можно так назвать.

Многие аналитики ожидают замедления инфляции в 2023 году, дают позитивные прогнозы.

Однако инфляционные ожидания населения все-таки объективно увеличиваются.

Посмотрим, что скажут сегодня психологи и социологи.

В феврале инфляционные ожидания населения на годовом горизонте выросли на 0,6 процентных пункта к январю – до 12,2%.

Интересно посмотреть также на потребительские настроения наших сограждан.

По оценкам Банка России, в январе-феврале текущего года продолжила увеличиваться склонность людей к сбережению.

Это, может быть, и неплохо.

Доля предпочитающих откладывать свободные деньги и не тратить их на покупку особенно дорогостоящих товаров увеличилась почти до 56%.

Это максимум с марта 2021 года, по данным ЦБ.

Еще раз повторюсь: может быть, это и не так уж плохо, ибо излишний потребительский бум охватил значительную часть наших сограждан в последние 2–3

десятилетия, особенно в мегаполисах – нельзя сказать, что этот бум охватил все население.

Значительная часть населения вынуждено искала средства к существованию, нежели увлекалась чрезмерными тратами.

Но определенную часть, которая живет в крупных городах, наверно, затронул чрезмерный потребительский ажиотаж.

Это в какой-то степени – опять же я могу здесь быть субъективен – разлагающе влияет на психологическое состояние общества.

Докладчикам – слово: оцените, правильный это тезис или нет.

Еще одна из проблем – это бедность.

Неделю назад была опубликована статистика Росстата, согласно которой в России зафиксирован минимальный уровень бедности с начала 90-х годов.

Хотелось бы понять действительно ли сейчас бедность снизилась до минимального уровня?

Или это статистическое лукавство?

За чертой бедности к концу 2022 года, по официальным данным, находилось 15,3 миллиона россиян, это 10,5% населения.

Много это или мало, с точки зрения не только экономистов, а социологов и психологов?

Думаю, общественные настроения, которые мы сегодня будем обсуждать, не укладываются только в формальную статистику.

Перейдем к повестке дня.

Передаю слово Нестике Тимофею Александровичу.

НЕСТИК Т.А.

профессор РАН, д. п. н., к. филос. н., заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

Доброе утро, коллеги!

Благодарю Гарегина Ашотовича и Абдусалама Абдулкеримовича за возможность включить в повестку нашего научного совета эту очень непростую тему.

Гарегин Ашотович уже сделал, на мой взгляд, вполне исчерпывающее введение, показав, в каком контексте мы вынуждены обсуждать психологическое состояние наших сограждан.

Я очень надеюсь на то, что в силу сложности этой проблемы не только докладчики, но и все участники сегодняшней встречи внесут свою лепту в прояснение тех психологических эффектов, которые мы наблюдаем, и в уточнение того, каким образом они могут повлиять на самые разные стороны нашей жизни.

От себя добавлю, что, по нашим данным, 30% выраженности тех психоэмоциональных состояний, которые мы измеряем, зависят от идентификации со страной, от оценок ситуации в обществе в целом, в том числе и в экономике.

Поэтому разговор о переживаниях людей мы должны начать с более общей картины, которую мои коллеги сейчас обрисуют.

Мы договорились о том, что Денис Александрович Волков сконцентрируется на общей картине общественных настроений. Его доклад поможет проследить ее и в предшествующие десятилетия.

При этом нас здесь будет интересовать больше общественно-политический контекст.

А выступление Людмилы Александровны Пресняковой в большей степени позволит нам увидеть динамику экономических ожиданий и тот парадоксальный экономический оптимизм, свидетелями которого мы стали начиная с мая прошлого года.

Я не хотел бы сейчас много времени отнимать у докладчиков и у себя самого.

Хотелось бы больше его зарезервировать для собственного доклада, в котором я, подводя итоги, обращусь уже к социально-психологическим механизмам, позволяющим объяснить некоторые из тех эффектов, из тех характеристик, из той динамики общественных настроений, о которых будут говорить Денис Александрович и Людмила Александровна.

Коллеги, на этом я хотел бы передать слово докладчикам.

ДОКЛАД 1

ВОЛКОВ Д.А.

социолог, директор «Левада-Центра»¹

Добрый день!

Тимофей Александрович попросил меня рассказать о долгосрочных трендах.

Это будут данные поквартирных опросов, которые мы проводим по одной и той же методике уже на протяжении, по ряду вопросов, тридцати лет.

В такой динамике гораздо легче понять то, что происходит.

Когда у нас есть длинный горизонт понимания того, что происходит в стране, то какие-то вопросы, мне кажется, отпадают сами собой.

В последнее время было много критики опросов, а именно, что в России сегодня опросы невозможны.

Много всяких, на мой взгляд, глупостей приводится.

Мы на протяжении этого года пытались на эту критику отвечать.

Я не буду сейчас на этом сосредоточиваться, просто скажу, что, на мой взгляд, большая часть этой критики не имеет отношения к действительности.

Можем поговорить об этом далее, в вопросах и ответах. А сейчас я пойду дальше.

Первый слайд – в каком направлении движется страна.

---

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Мы задаем этот вопрос с 1996 года, но нас, конечно, интересует последний год.

Мы видим в начале года, в марте прежде всего, резкое увеличение количества тех, кто говорит о том, что страна движется в правильном направлении.

Страна движется...

В %% опрошенных

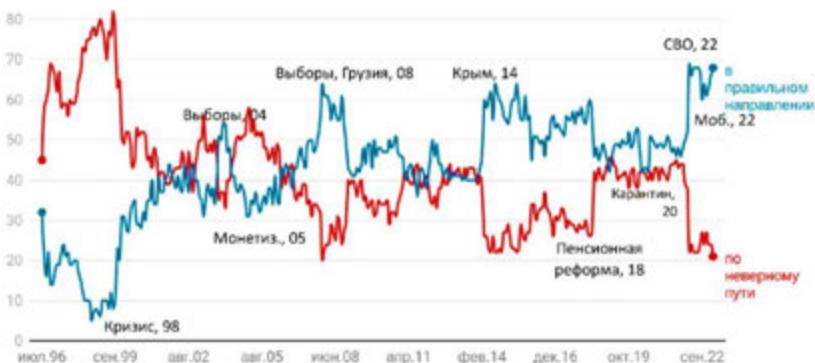

Рис. 1

И здесь хорошо и правильно сравнить это с 2014 годом.

У меня на графике отмечен 2014 год, Крым.

Очень похожая ситуация, когда на фоне международного конфликта происходит консолидация общества. По принципу: есть «мы» и есть «они».

Здесь именно ситуация конфликта, как мне кажется, важна, которая заставляет общественное мнение консолидироваться.

Но также мы видим на этом графике (и на следующих графиках тоже увидим) в сентябре-октябре проседание позитивных оценок.

Это связано с объявлением частичной мобилизации.

Я чуть позже об этом еще скажу, но это тоже здесь отметим.

Можем посмотреть на слайде, когда у нас были пики позитивных оценок: это выборы 2004 года; конфликт с Грузией в 2008 году; присоединение Крыма в 2014 году (что, как мне кажется, наиболее похоже на текущую ситуацию).

На графике также указано, когда были спады позитивных настроений: монетизация льгот, пенсионная реформа, карантин – мы видим заметные проседания позитивных настроений.

Это то, что касается вопроса о том, куда движется страна.

В декабре мы попросили наших респондентов объяснить свои ответы: тех, кто говорит, что дела идут в правильном направлении, и тех, кто говорит, что дела идут в неправильном направлении.

Открытый вопрос задавали: просили пояснить, что же респонденты имеют в виду.

Если речь о тех, кто говорит, что дела идут в правильном направлении, то здесь две основные группы ответов.

Это повышение различных пенсий, пособий, зарплат бюджетникам, которые как раз приходились на вторую половину года, часть – на конец года.

Вторая группа – это опять же ситуация конфликта, когда люди говорят, что «нужно сплотиться», «мы

боремся с НАТО», «боремся за свой суверенитет, и это правильно» и так далее.

Это два основных фактора.

Хотя их больше, можете посмотреть.

В частности, дальше будет о развитии экономики.

Такие оценки прежде всего, я думаю, связаны с санкциями.

Поскольку для обычного человека, не экономиста, для значительного числа наших сограждан санкции воспринимаются как шанс.

Мы проводим не только опросы, но и фокус-группы; периодически стараемся проводить, чтобы лучше понимать.

Дела идут в правильном направлении: расшифровка

В % кто считает, что дела идут в правильном направлении, ответы на открытый вопрос, декабрь 2022

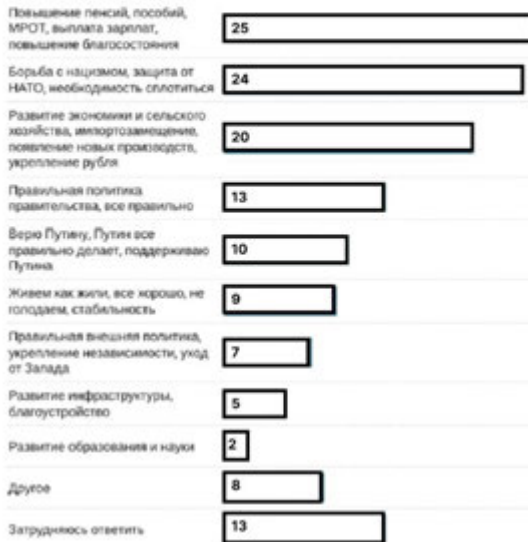

Рис. 2

В течение прошлого года много было разговоров о том, что санкции станут шансом для развития нашей экономики независимо от других стран.

Об этом чуть позже тоже поговорим.

Те, кто говорит, что дела идут в неправильном направлении, упоминали тоже несколько основных групп ответов.

Первое – то, что «война», «гибнут люди», «мобилизация», «боль», «страдания» и так далее.

Дела идут в неправильном направлении: расшифровка

В %% кто считает, что дела идут в неправильном направлении, ответы на открытый вопрос, декабрь 2022

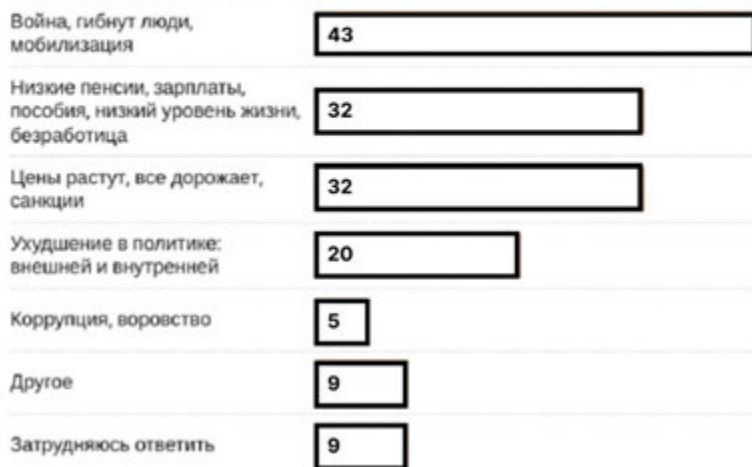

Рис. 3

Подчеркну, что это открытый вопрос, здесь мы не предлагали подсказок.

Это то, что люди сами называли, а мы потом кодировали.

И второе – это всегда на первых местах – «низкие пенсии», «низкие зарплаты», «низкие пособия», то есть низкий уровень жизни, прежде всего экономические проблемы.

И связанная вещь – то, что «цены растут», «все дорожает», «санкции вызывают рост цен» и так далее.

Это то, как респонденты сами нам объясняли, почему в правильном, почему в неправильном направлении идут дела.

Еще один показатель, который позволяет нам посмотреть на динамику оценок ситуации, – это одобрение деятельности Владимира Путина.

Сначала на должности премьер-министра, потом на должности президента, премьер-министра, президента.

Поскольку мы ведем этот опрос практически ежемесячно с августа 1999 года, то это хороший показатель, еще одно зеркало общественных настроений. Здесь, чтобы обострить изменения показателя, я дал разницу ответов: «одобряю» / «не одобряю», чтобы на одной линии совместить.

Рис. 4

Опять же мы видим похожую динамику.

Это, конечно, оценки власти прежде всего.

Мы видим, что, наверное, даже более ярко выражена та «консолидация вокруг флага», которая происходила и в 2022-м, и в 2014-м.

Мы видим, как резко с февраля по март-апрель выросли в 2014 году оценки работы президента.

То же самое наблюдалось в прошлом году.

И проседание в сентябре-октябре 2022 года, связанное с объявлением частичной мобилизации.

Опять же важно отметить те же самые пики, что и на первом графике: вторая чеченская война, Грузия, Крым, СВО.

И минимумы: монетизация, протесты 2011–2012 годов (они были как раз тогда, когда рейтинги достигали наименьших показателей), пенсионная реформа, карантин и частичная мобилизация.

На графике мы видим рейтинг Путина, но это, я бы сказал, и отношение к власти в целом.

Что еще здесь необходимо сказать?

Если мы говорим об одобрении деятельности Путина, то сегодня оно на уровне 80% в наших опросах.

Можно подразделить эти 80% на сильную и слабую поддержку.

Сильная – это когда люди сами поясняют, что «все правильно», «никаких вопросов нет», «все правильно делает».

Это примерно 45–50% при тех показателях, которые есть.

И еще 30% – это поддержка с различными оговорками.

Сегодня это звучит так: «да, есть проблемы, но на нас оказывается давление», «не время для критики сейчас».

Поэтому какая-то часть респондентов, может быть, и не полностью поддерживает, но присоединяется к большинству, потому что говорит, что ситуация сейчас не та, чтобы критиковать и озвучивать свое недовольство.

То же самое мы отмечали в 2014 году.

Пойдем дальше.

На слайде – данные о том, какие чувства вызывает конфликт России и Украины.

Какие чувства у вас вызывают военные действия в России и Украине?

в % опрошенных	фев. 22*	март. 22	авг. 22	ноя. 22
Гордость за Россию	41%	51%	48%	42%
Тревогу, страх, ужас	31%	31%	31%	34%
Гнев, возмущение	9%	8%	11%	11%
Шок	8%	12%	12%	11%
Подавленность, оцепенение	6%	6%	6%	7%
Стыд	7%	5%	7%	6%
Удовлетворение, радость	9%	7%	5%	5%
Воодушевление	6%	7%	8%	5%
Другое	3%	4%	4%	3%
Никаких особых чувств	9%	8%	11%	8%
Затрудняюсь ответить	5%	2%	3%	3%

* телефонный опрос 27 февраля 2022 года, опрошено 1000 человек

Рис. 5

Здесь четыре замера.

Первый – это был телефонный опрос, а остальные – это личные интервью.

Здесь что важно?

Опять же ситуация конфликта, которая вызвала, особенно в первой половине прошлого года, прежде всего гордость за Россию.

Но мы видим: сейчас это чуть-чуть начинает спадать, по мере продолжения конфликта уже длительное время.

Если мы будем сравнивать с 2014 годом, в прошлом году мы видим около трети (31–34%) тех, кто говорил о страхе и ужасе.

Эмоции не такие однозначные, как в 2014 году, но тем не менее гордость за страну – на первом месте.

Этот слайд для того, чтобы показать механизм «ралли вокруг флага», консолидацию вокруг власти, когда «мы» против «них», точнее, «они» против «нас».

Пойдем дальше.

Как оценивается ситуация, почему такие высокие показатели поддержки?

Мы видим, что респонденты возлагали ответственность за конфликт с самого начала (и даже раньше, когда только шла эскалация, в конце 2021 года примерно те же самые цифры были) на США и НАТО.

Как Вам кажется, кто прежде всего несёт ответственность за гибель людей и разрушения в Украине?

в % опрошенных по уровню одобрения президента, апрель 2022

	По стране в целом	Одобряющие президента	Неодобряющие президента
США, страны НАТО	57%	63%	30%
Украина, Киев	17%	18%	13%
Россия	7%	3%	30%
Никто конкретно	8%	8%	13%
Все виноваты	3%	2%	5%
Другое	2%	2%	5%
Затрудняюсь ответить	6%	5%	5%

Рис. 6

И второй вопрос – это открытый вопрос о причинах, как люди их понимают.

В начале прошлого года было больше ответов, что Россия начала специальную военную операцию для того, чтобы «защитить русскоязычное население».

Кстати, так же было и в 2014 году – именно защита русских, русскоязычных, русскоязычного населения.

До 2014 года большинство россиян говорило: «не надо вмешиваться, пусть живут там своей жизнью».

Но как только возникла тема, что русскоязычное население в беде и нуждается в защите, это сразу поменяло отношение.

Как Вы считаете, для чего Россия начала специальную операцию в Украине?

в %% опрошенных, открытый вопрос, февраль 2023

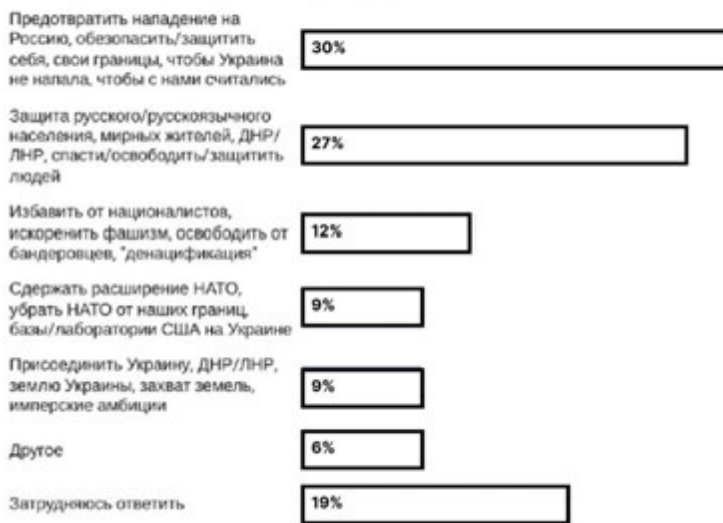

Рис. 7

В 2022 году, по мере развития конфликта в течение года, стало больше тех, кто говорил, что это для того, чтобы «защитить свои рубежи».

Такое понимание конфликта обеспечивает понимание роли России как правильной, что «дело наше правое», а виновата другая сторона.

Это тоже, наверное, помогает нам понять, почему высокие показатели поддержки, почему консолидация происходит.

Идем дальше.

Здесь я разместил на одном графике разные уровни поддержки специальной военной операции.

Уровни поддержки СВО на начало 2023 года

Рис. 8

Общий уровень, самая высокая планка (77%), – это в сумме те, кто «определенно поддерживают» и «скорее поддерживают».

Обычно этот показатель – 77% или 80%, и даже больше вначале было.

Кстати, это общий уровень поддержки, он практически не меняется, поскольку все-таки это символический вопрос.

Как говорят наши респонденты, «это наши мальчишки», «наши воины» и так далее, «как мы можем их не поддерживать?».

Но если мы посмотрим более глубоко, то увидим, что, как и в случае с поддержкой президента, есть сильная и слабая поддержка.

Сильная – это те, кто «определенно поддерживают», таких порядка 50%.

Остальные 25–30% – это поддержка с оговорками.

Если посмотрим на другой вопрос – «Продолжать ли военные действия или начинать мирные переговоры?», то поддержка военных действий – уже 43%.

Если мы говорим о какой-то более-менее деятельной поддержке, то она на уровне 27% – это те, кто что-то делают для фронта, деньги какие-то перечисляют, собирают вещи и так далее.

То есть что здесь важно?

Важно показать эти разные уровни поддержки.

Но также, как мне кажется, важны высокие цифры поддержки.

Они возможны только в условиях неучастия большинства населения в том, что происходит; при наличии возможности для людей жить своей жизнью, продолжать свою обычную жизнь.

И только (мы об этом чуть позже еще поговорим) ситуация частичной мобилизации и то, как она была проведена, когда людям было непонятно, что происходит, когда казалось, что могут призвать любого, люди испугались, что теперь это всех касается.

Это дало резкий всплеск негативных настроений.

Поддержка, как мы видели, начала несколько падать.

На следующем слайде я хотел показать разные группы поддержки.

Мы видим, что, например, пожилые, старшее поколение поддерживает больше, чем самые молодые и юные.

Мы видим ступеньками: больше поддержка у старшего поколения, меньше – у молодежи.

Также мы видим разницу поддержки между мужчинами и женщинами: мужчины поддерживают больше.

Самая низкая поддержка – это группа, не одобряющих действия президента, правительства, то есть оппозиционно настроенные люди.

В каком-то смысле это те люди, которые изначально, еще до начала всех действий, уже не поддерживали власть

(хотя частично и они поменяли свое мнение в сторону поддержки, иначе не было бы таких высоких показателей).

Здесь концентрируется недовольство, «неподдержка».

Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине?

В %% опрошенных по каждой возрастной группе, февраль 2023					
	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Затрудняюсь ответить
Всего	48%	29%	10%	7%	6%
18–24 года	28%	29%	18%	13%	13%
25–39 года	37%	34%	13%	8%	8%
40–54 года	49%	29%	9%	7%	6%
55 лет и старше	60%	26%	6%	6%	2%
В %% опрошенных по уровню одобрения президента, февраль 2023					
Всего	48%	29%	10%	7%	6%
Одобряю	55%	31%	7%	4%	3%
Не одобряю	13%	19%	26%	34%	8%
В %% опрошенных по полу, февраль 2023					
Всего	45%	30%	10%	9%	6%
мужской	55%	27%	8%	7%	3%
женский	42%	31%	12%	8%	7%

Рис. 9

Если посмотреть еще какие-то показатели, то крупнейшие города меньше поддерживают.

Что здесь важно?

В разных группах поддерживают по-разному.

Это опять же не универсальная поддержка.

Я бы так сказал: поддерживают прежде всего те, кто не пойдет воевать, не пойдет служить.

Это мы очень хорошо увидели на примере поддержки мобилизации: она была на уровне 55% – там как раз мужчины старшего возраста больше всего поддерживали это решение.

Следующий слайд – здесь мы задавали вопросы о том, несет ли человек моральную ответственность за разные сферы жизни, в том числе за гибель мирных жителей и разрушения на Украине.

Несет ли человек моральную ответственность за...?

в % опрошенных, апрель 2022

	Безусловно нет	В какой-то мере несет	Безусловно не несет	Затрудняюсь ответить
Благополучие своей семьи, будущее своих детей	89%	7%	2%	2%
Действия своих родственников	36%	41%	22%	1%
Действия своего правительства	19%	31%	46%	4%
Происходящие в стране события	19%	37%	40%	5%
Гибель мирных жителей и разрушения на Украине	9%	19%	65%	7%

Рис. 10

Несут ли такие люди, как Вы, моральную ответственность за гибель мирных жителей и разрушения на Украине?

в % опрошенных

	Безусловно несут	В какой-то мере несут	Безусловно не несут	Затрудняюсь ответить
апр. 22	9%	19%	65%	7%
май 22	11%	25%	58%	6%
авг. 22	10%	23%	60%	7%
дек. 22	10%	24%	59%	7%

Рис. 11

Мы видим, что это один из показателей, как люди отвечают по поводу того, что происходит.

Очень много было ответов, что «мы – люди маленькие, ни на что повлиять не можем», соответственно, «стараясь не следить», «стараясь не обсуждать».

Что мы видим: прежде всего не обсуждают и не следят те, кто не поддерживают.

А те, кто поддерживают, они продолжают следить и обсуждать.

У них, в общем-то, здесь проблем особых нет.

Но вот эта позиция маленького человека – мы ее очень много видели в прошлом году, особенно на фокус-группах, когда люди объясняли, как они чувствуют это.

Один из механизмов защиты проявлялся в том, что люди говорили: «Я повлиять не могу, так зачем я буду следить за тем, что происходит? Только заболею из-за этого. Это у меня уйдет в болезнь», – я цитирую.

Множественно, в нескольких городах я это слышал.

Поэтому «не слежу», «не интересуюсь», «стараясь уйти в частную жизнь»: уход в частную жизнь и возможность ухода в частную жизнь, как я говорил, это одно из важных условий поддержки.

Пойдем дальше.

Здесь динамика настроения респондентов.

Вопрос этот задаем с 1993 года.

Динамика настроения респондентов

Хорошее = "прекрасное настроение" + "нормальное, ровное состояние"; Плохое = "испытываю напряжение, раздражение" + "испытываю страх, тоску"

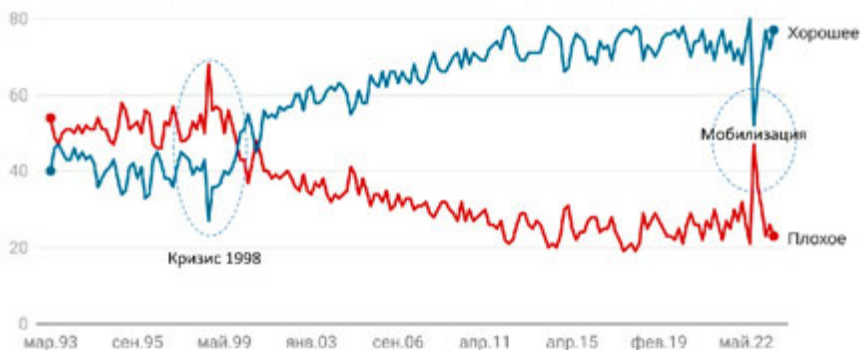

Рис. 12

В других вопросах, связанных с оценкой ситуации, с оценкой власти, мы не видели такого серьезного проседания позитивных оценок, как в этом вопросе.

Здесь отразился огромный шок – я бы даже сказал, психоз, связанный с объявлением частичной мобилизации.

Люди часто и обсуждать эту тему не могли.

Сентябрь и начало октября прошлого года для проведения опросов были очень тяжелым временем.

Был страх, потому что было непонятно, кого могут призвать.

А значит, было ощущение, что могут призвать любого.

Но затем, когда критерии мобилизации уточнили, кого-то из мобилизованных вернули домой, а потом мобилизация закончилась, это привело к тому, что настроения довольно быстро, к концу прошлого года, вернулись на прежний уровень.

Пойдем дальше.

Коллега из ФОМа будет подробнее говорить о настроениях потребителей, а я бы хотел только обратить внимание на одну дату на графике – апрель 2022 года, низшая точка на графике индекса потребительских настроений.

Рис. 13

После этого, к концу весны, началась адаптация к ситуации.

То есть до этого мы видим, как настроения потребителей шли вниз.

А затем началась адаптация: они пошли вверх после того, как инфляция была купирована, после того, как Центробанк остановил панику на банковском рынке.

Я думаю, что, если бы паника развивалась, если бы она привела к падению банковской системы, мы бы, конечно, совсем другие цифры и настроения сейчас обсуждали.

Возможность адаптироваться и жить, заниматься своими делами – вот этот экономический оптимизм, он позволил людям справиться с тем, что происходит.

Идем дальше.

Несколько вопросов про санкции, коротко на них остановимся. На что я хотел бы обратить внимание?

Во-первых, какие проблемы санкции вызвали, по мнению респондентов?

Какие проблемы создали для Вас санкции западных стран?

Открытый вопрос в % по типу поселения

	Всего	Москва	Более 500 тыс.	От 100 до 500 тыс.	Города до 100 тыс.	Село
Рост цен, все дорожает, инфляция, цены растут	32%	24%	36%	27%	31%	36%
Исчезли некоторые товары, уход брендов, импортных торговых марок, проблемы с одеждой, запчастями, лекарствами	26%	47%	26%	20%	25%	21%
Запрет на поездки за границу, поездки в Европу, закрыли небо, нет прямых рейсов, трудно навестить родственников	11%	25%	11%	15%	5%	7%
Снижение уровня жизни, сокращение доходов, снижение зарплат, трудно стало жить	8%	8%	6%	9%	9%	7%
Падение экономики, экономические проблемы, проблемы бизнеса, закрываются предприятия	5%	4%	4%	8%	4%	5%
Потеря работы, сокращения, трудно найти работу	5%	8%	8%	4%	1%	4%
Блокировки карт Visa, Mastercard, денежных переводов, невозможно делать покупки в иностранных интернет-магазинах	5%	4%	7%	4%	4%	4%
Другое	6%	3%	6%	6%	5%	6%
Никаких проблем нет, меня не касается	21%	12%	21%	20%	26%	23%
Затрудняюсь ответить	6%	1%	5%	8%	6%	7%

Рис. 14

Первое, как люди сами понимают, прежде всего это инфляция, рост цен.

На графике колонка «Всего» – это данные по стране.

В меньшей степени так говорила Москва, в большей степени – другие города.

Второе – это исчезновение импортных товаров, которое заметили крупнейшие города: Москва, Санкт-Петербург.

Бренды уходили в первую очередь из крупнейших городов.

Приедешь в небольшой город, спрашиваешь: «Макдональдс от вас ушел?» – а люди говорят, что он и не приходил никогда.

Поэтому крупнейшие города, вписанные в мировую экономику, почувствовали этот аспект санкций больше, чем небольшие города.

Запрет на поездки за границу имел значение прежде всего для Москвы и крупнейших городов.

Можете посмотреть на графике, что еще отвечали респонденты.

Второе, что я хотел сказать.

Это такой патриотизм: «покупай российское», «производи российское».

Это общее, довольно распространенное мнение, что санкции пойдут нашей стране только на пользу.

Как люди говорили, «наконец-то, Запад нас заставит сделать то, что мы 30 лет сами не могли сделать», «будем развивать свою экономику, свою промышленность».

Какого из следующих мнений о санкциях скорее придерживаетесь Вы сами?

в % опрошенных, август 2022

	По России (авг. 22)	По Москве (июн.22)
Санкции нанесут существенный урон нашей стране	16%	26%
Санкции укрепят нашу страну и станут стимулом для развития	55%	47%
Санкции никак не повлияют на развитие нашей страны	24%	23%
Затрудняюсь ответить	6%	4%

Рис. 15

И третье, про беспокойство – тоже на графике представлено по разным возрастным группам.

Мы видим, что молодежь чаще отмечает уход Visa и MasterCard, невозможность платить за границей и в зарубежных интернет-магазинах, уход западных брендов.

Беспокоят ли Вас...?

В %% опрошенных по каждой возрастной группе, сумма ответов «очень беспокоят» + «довольно беспокоят»

	Всего	18–24 года	25–39 года	40–54 года	55 лет и старше
Заморозка золотовалютных резервов РФ за рубежом	49%	35%	35%	53%	60%
Отмена российских культурных мероприятий за рубежом, увольнение артистов	28%	32%	20%	29%	32%
Уход западных компаний, ограничение на поставку зарубежных товаров	27%	43%	30%	27%	21%
Уход VISA и Mastercard, невозможность платить за границей и в интернете	25%	56%	35%	23%	11%
Ограничения на полеты в западные страны для российских авиакомпаний	19%	24%	21%	18%	17%
Персональные санкции против крупных российских бизнесменов	5%	8%	5%	3%	6%

Рис. 16

Прежде всего для молодежи это важно.
Старшему поколению это не так важно.

Я думаю, это тоже позволяет понять, что санкции имели ограниченный эффект на общественные настроения. На следующем слайде я хотел показать разницу в оценке собственного положения и положения страны, проблем для страны.

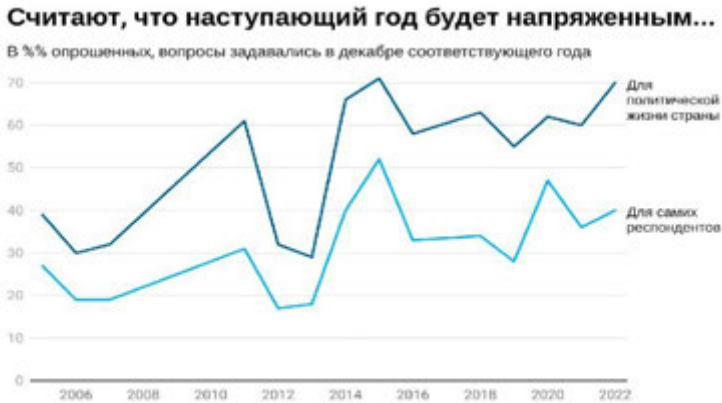

Рис. 17

Мы это увидели в нескольких опросах в прошлом году (мы задаем этот вопрос на протяжении последних 15 лет в конце года).

Мы спрашиваем: каким был год, каким будет следующий год?

В декабре прошлого года в том и другом ответе мы увидели, что для страны год был тяжелый и следующий будет тяжелым.

А для самих респондентов, в общем, он оказался – и это было для меня сюрпризом – для респондентов в целом год был вполне себе средним.

Отчасти, наверное, потому, что не оправдались самые страшные прогнозы.

Предпоследний слайд – динамика протестных настроений.

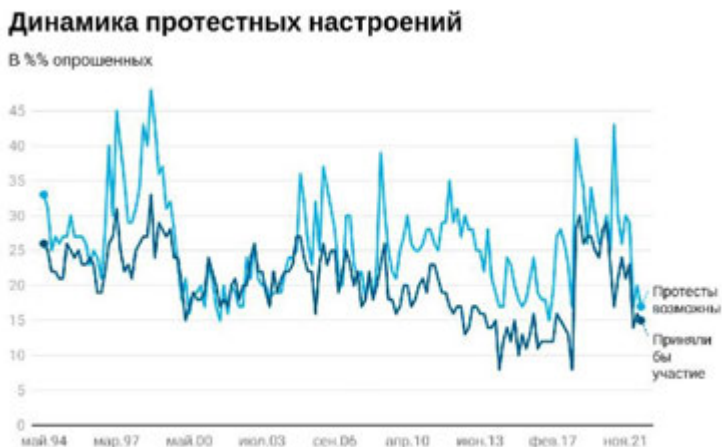

Рис. 18

Здесь несколько слов хочу сказать о том, что мы видим резкое снижение протестных настроений в прошлом году.

Почему?

Во-первых, потому что была консолидация вокруг власти, – отчасти меньше людей хотели критиковать власть, и, в общем-то, было не до критики.

Во-вторых, то, что уже не столько с прошлым годом связано, а с предыдущими несколькими годами, потому что мы видим на протяжении нескольких лет снижение готовности принимать участие в протестах.

Люди говорят, что протестовать сейчас рискованно, можно и по голове получить, могут задержать и так далее.

А второе – то, что протестовать бесполезно.

Такое отношение было сформировано по результатам протестов в Хабаровске, когда ходили-ходили и ничего не добились, и разгонов протестов в поддержку Навального в 2021 году.

Больше людей сейчас говорят, что бесполезно и, наверное, не нужно.

Вот такая динамика.

Последний слайд – это индекс социальных настроений, где разные вопросы.

Рис. 19

Мы видим индекс власти – оценки не только президента, но и правительства.

Индекс семьи – это оценка собственного положения.

Индекс России – это оценки ситуации в стране.

Индекс ожиданий – это ожидание, как ситуация будет развиваться.

Это результирующий слайд, когда на одном графике представлены и оценки власти, и оценки ситуации, и ожидания.

Мы видим, как они довольно синхронно себя ведут.

Если мы говорим о последнем годе, то отмечается резкий рост прежде всего оценок власти.

Так выглядит консолидация.

Но и не только.

И ожидания выросли, и оценки ситуации в стране тоже выросли.

В меньшей степени выросли оценки собственного экономического, финансового положения.

И влияние частичной мобилизации здесь тоже очень хорошо видно, прежде всего в оценках собственного положения.

Мы это видели в настроениях, в оценках, в ожиданиях, а в меньшей степени – в оценках власти.

Но опять же, если мы посмотрим на предыдущие замеры в 2008–2009 годах, в 2014–2015 годах, это очень похоже на то, как настроения вели себя тогда.

Я на этом закончу.

Спасибо за внимание.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо, Денис Александрович, за очень обстоятельный и очень сложный по множеству параметров анализ.

Конечно, есть вопросы.

В частности, я вижу поднятую руку Якова Моисеевича Миркина.

Я думаю, мы несколько вопросов сейчас зададим.

Потом, если их будет много, мы вернемся к ним по завершении всех докладов и перейдем к обсуждению, поскольку доклады взаимосвязаны.

Но сейчас, если есть уже вопросы, давайте попробуем на них ответить.

Яков Моисеевич, Вам слово.

| проф. МИРКИН Я.М. – ВОЛКОВ Д.А.

| МИРКИН Я.М.
д. э. н., профессор

Миркин Я.М.: Спасибо огромное за исключительно интересный доклад.

Первый вопрос.

Ядро в населении, которое недовольно в целом, это примерно сколько – 10%, 15%, 7%?

Ядро, которое «мучается совестью», оппозиционное и так далее?

Второй вопрос.

Понятно, что Ваши данные показывают, что население в целом еще несет низкие издержки в связи с СВО.

А каковы результаты опросов в «прифронтовых» областях? Курская область, Брянская область и так далее – есть такие данные?

Третий вопрос.

Можно ли пользоваться данными презентации открыто, публично обсуждая те или иные вопросы?

Волков Д.А.: Ядро тех, кто не поддерживает, – в зависимости от того вопроса, который мы задаем, – я думаю, от 15 до 20%.

В зависимости опять же от вопроса.

Хотя нужно понимать, что это разные люди.

Условно говоря, это не одни либералы, как часто говорят и думают.

Там разные люди. Прежде всего можно выделить две группы.

Те, которые по политическим соображениям не поддерживают.

И группа самых бедных, которые ничего не выиграли, которые не поддерживают ничего, что власть предлагает, просто потому, что они не выиграют от этого строя.

Что касается «прифронтовых» регионов, здесь не могу сказать.

У нас таких данных нет, потому что наши данные репрезентативны для страны в целом.

Здесь нужны репрезентативные данные для конкретных регионов.

Может быть, у коллег из Фонда «Общественное мнение» или из ВЦИОМ есть такие данные.

У нас, к сожалению, таких данных нет.

Что касается использования – да, все данные, о которых я сегодня говорил, есть у нас на сайте.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр. РАН, д. социол. н., профессор, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Уважаемые коллеги, за что я люблю наших полстеров¹ – за то, что они не теряют времени и сразу переходят к содержательному результату.

А между тем хотелось бы все-таки знать: что это за исследование, на какой выборке оно сделано?

1 600 человек по России?

Если это так, то стандартная ошибка, с учетом дизайн-эффекта, равна примерно 6–7% при распределении 50/50.

То есть некоторые из тех колебаний, которые отмечаются в докладе, не имеют значимости, входят в диапазон ошибки выборки.

Второе.

Хотелось бы знать, что происходит с отказами.

В настоящее время доля отказавшихся отвечать на вопросы в российских городах приближается к 60%.

Здесь присутствует Задорин Игорь Вениаминович, он скажет, что в последнем исследовании, которое они проводили вместе с Радаевым, доля отказавшихся была равна 72%.

---

¹ Специалист, который занимается подготовкой, проведением и анализом результатов опросов общественного мнения.

Кто эти люди, входящие в 72%?

Поскольку приводятся временные ряды, важно знать, как ведет себя доля отказавшихся во времени: растет она или не растет?

Исследуются ли эти отказы?

Отличаются ли отказавшиеся своими суждениями от тех, кто согласился участвовать в опросе?

Доля недостижимых респондентов тоже важна.

Население мобильно, оно перемещается не только внутри страны, но и между странами.

Иными словами, необходимо описание выборки, описание параметров исследования.

Нельзя представлять данные в стиле «business as usual».

Сейчас особая ситуация.

Настроения в обществе могут серьезно меняться.

И эти изменения могут влиять на отношение людей к исследованию и тем центрам, которые его проводят.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо.

Очень существенное замечание.

Действительно, когда Яков Моисеевич спрашивает о доле – как он уточнил, «ядре» – несогласных, то как раз «ядро» несогласных из тех опрошенных, которые захотели высказать свое мнение, отличается, наверное, от «ядра» несогласных из тех, кто в принципе не захотел участвовать в обсуждении.

Надо понимать эту существенную разницу.

Цифры, которые Михаил Федорович называет, конечно, ошеломляющие.

Неужели 60–70% могут отказываться от участия?

Это удивительно, конечно.

Пожалуйста, Михаил Вениаминович Угрюмов.

| **акад. УГРЮМОВ М.В. – акад. ТОСУНЯН Г.А.**

| **УГРЮМОВ М.В.**

| акад. РАН, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

Угрюмов М.В.: Гарегин Ашотович, мне доклад очень понравился, но вопрос у меня к Вам.

Я все время слышу по телевидению, по радио, что принимаются новые законы Госдумой для того, чтобы противодействовать негативным, критическим заявлениям в отношении политики государства, руководителей государства и так далее.

Насколько защищены сегодняшние докладчики и люди, которые обсуждают эти вопросы, от того, чтобы не попасть под эти законы?

Я их точно не знаю.

Может быть, юристы их сформулируют и ответят на этот вопрос?

Тосунян Г.А.: Вопрос, конечно, очень серьезный.

Я не могу сказать, что компетентен ответить на него исчерпывающе.

Обсуждения в рамках нашего научно-консультативного совета вряд ли подпадают под соответствующие законы.

Я гарантировать, конечно, не могу, что никаких последствий никакие обсуждения и высказывания не могут иметь.

Но думаю, не стоит переоценивать степень влияния этих законов на возможность научного обсуждения.

У нас научная аудитория.

Мы имеем право – и даже в «позднем» Советском Союзе это не преследовалось – обсуждать, анализировать, вырабатывать рекомендации, которые я думаю, будут полезны власти имущим, чтобы понимать объективную картину происходящего.

Правда, мы, вышедшие из Советского Союза, наверное, в какой-то степени эти страхи в себе все-таки сохранили.

Но «волков бояться – в лес не ходить».

Давайте тогда вообще ничего не делать, давайте молчать и ничего не обсуждать.

Такое поведение, мне кажется, нам не к лицу.

Мы не должны забывать о чувстве собственного достоинства, которое не позволяет многим из нас сидеть с «тряпочкой во рту».

Вы, уважаемый Михаил Вениаминович, яркий пример человека с гражданской позицией и высоким чувством собственного достоинства.

В то же время все достаточно деликатно формулируют свои вопросы, свои замечания, свои оценки.

Вы многократно говорили о том, что тоже деликатно свои мысли формулируете.

Давайте продолжать так же корректно их формулировать пропорционально тому, как мы оцениваем риски.

Пока мы не имеем фактов того, чтобы к научному обсуждению были подобного рода претензии.

Я надеюсь, и не будем иметь.

Все-таки общество немного в другом состоянии находится, чтобы кто-то мог позволить себе переходить за «красные линии» в этом вопросе и начинать за научное обсуждение предъявлять претензии.

Я не знаю, удовлетворил ли Вас мой ответ, но большего сказать не могу.

Угрюмов М.В.: Гарегин Ашотович, мне кажется, что эта цифра, 60–70% не желающих участвовать в обсуждении, она и есть ответ на мой вопрос.

70% людей не чувствуют себя защищенными.

Тосунян Г.А.: Возможно, что люди избыточно перестраховываются?!

В научной среде, наверное, есть доля людей, которые с комсомольских времен своей молодости в принципе не хотят обсуждать любую тему, которая может не понравиться «начальству». Это их право!

Я еще раз повторю мысль: проще всего ничего не делать, проще всего ничего не обсуждать.

Но пройдет время, и мы, краснея, сами себе зададим вопрос: «А что мы сидели, молчали? Нас кто-то осудил бы, кто-то расстрелял бы?»

Не стоит гипертрофировать свои страхи, ходить и дрожать, считая, что ничего обсуждать нельзя.

Тогда в чем преимущество ученых, если мы не имеем возможности говорить?

Угрюмов М.В.: Гарегин Ашотович, простите, еще два слова.

Дело в том, что мы обсуждаем эти вопросы в той среде и в составе того семинара, где люди, которые и так все хорошо понимают.

Но я в свое время говорил: то, что мы обсуждаем, нужно выносить в массы, которые не обладают таким потенциалом знаний, которые не могут системно мыслить.

И поскольку мы ограничиваемся только рамками этого семинара, то мы убеждаем в своей правоте тех людей, которые и так убеждены.

А тех, кого нужно убеждать, мы не убеждаем ни в чем.

Тосунян Г.А.: Хорошо, Михаил Вениаминович.

Значит, Вы, с одной стороны, подвергаете сомнению вообще целесообразность обсуждения в нашей среде, с учетом тех рисков, которые есть.

И вместе с тем – призываете выносить это на общее обсуждение.

Давайте мы до чего-то дозреем в нашей среде, пойдем и расставим акценты.

А сделать это достоянием широкой общественности, – это уже следующий этап.

Хорошо бы сначала внутри себя понять и договориться, что такое хорошо, а что такое плохо!

Увы, даже в нашей среде пока нет четкого понимания и ясных оценок процессов, происходящих в обществе и в мировом сообществе.

В том числе, как относиться, к примеру, к ущемлению прав и к дискриминации наших сограждан по признаку гражданства?

К отъему автомобилей или иного имущества?

К невозможности въезда на территорию ряда демократических стран, в которых вроде культивируются прежде всего права человека? Но, оказывается, за исключением граждан России?

Очевидно, что всем этим вопросам предшествует множество справедливых вопросов и в наш адрес!

И мы их тоже регулярно формулируем и пытаемся найти ответы.

Только после осмысления целого перечня такого рода проблем, внутренних и внешних, мы поймем, насколько можем свои выводы представить в приемлемой форме тем властным структурам, которые интересуются нашим мнением и нашими исследованиями.

И донести до широкого сообщества тоже!

Кстати, наши обсуждения публикуются и распространяются не только в электронной, но и в печатной форме.

В том числе рассылаются в разные ведомства нашим коллегам из финансово-экономической и других структур.

Давайте делать то, что можем.

Например, Абел Гезевич Аганбегян свои критические замечания по экономической политике периодически публикует в своих статьях.

Он таким образом доносит их до общественности.

Другие коллеги, принимающие участие в наших обсуждениях, черпают здесь замечания, критику, вопросы, а затем также публикуют результаты.

Мы – Научно-консультативный совет, на котором обсуждаются вопросы и вырабатываются некоторые коллективные мнения.

Но мы не ставили, по крайней мере до сих пор, главной своей задачей доведение этой позиции до широкой общественности.

Хотя Тимофей Александрович взял на себя функцию освещать на сайте Отделения общественных наук обсуждаемые на совете вопросы.

Это было поручение Талии Ярулловны.

И Тимофей Александрович уже некоторое время это добросовестно делает, за что ему наше спасибо!

Я рекомендую делать то, что нам интересно и понятно.

А то, что нам доставляет дискомфорт, давайте каждый пусть сам для себя решает, как минимизировать этот дискомфорт и воображаемые риски.

Должен заметить, что наша с Вами полемика также в значительной степени характеризует психологическое состояние нашего общества...

Академик Полтерович. Пожалуйста, Виктор Меерович.

| **акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – ВОЛКОВ Д.А.**

| **ПОЛТЕРОВИЧ В.М.**

акад. РАН, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Эконометрического общества, почетный президент Новой экономической ассоциации

Полтерович В.М.: Спасибо за доклад.

Он был действительно интересный.

У меня два вопроса.

Среди вопросов, которые Вы задавали, был такой: «Чувствуете ли вы моральную ответственность за действия своего правительства?»

Я немного упростил бы формулировку.

Скажите, есть ли у Вас какие-либо данные о том, как отвечают на этот вопрос респонденты из других стран?

Что ответили бы на этот вопрос, например, поляки, чехи, французы?

Было бы интересно сделать сопоставление.

Второй вопрос касается того, о чем здесь уже говорилось неоднократно: большое количество потенциальных респондентов отказываются от ответа на вопросы.

Я хотел бы уточнить: как изменилось за последнее время число потенциальных респондентов, которые не хотят участвовать в опросах?

Спасибо.

Волков Д.А.: Спасибо.

Что касается сопоставления, сейчас не готов на этот вопрос ответить.

Нужно посмотреть и изучить это.

Что касается «достижимости» опрашиваемых, то в прошлом году она была на уровне 27%.

За год до этого, в 2021 году, средняя достижимость была 31%.

В 2020 году – 25% и в 2019-м – примерно столько же.

С моей точки зрения, можно говорить о том, что достижимость хорошая.

Примерно такой уровень, мне говорили коллеги из Америки, считается у них золотым стандартом достижимости.

Здесь мы не уступаем.

Полтерович В.М.: Главное, что она не изменилась существенно, да?

Волков Д.А.: Да, в том-то и дело.

Было много разговоров, что она упала.

Но мы считаем ее в каждом опросе, используем рекомендации Американской ассоциации исследования общественного мнения.

Нельзя говорить о том, что она существенно снизилась.

Был сложный момент сразу после объявления частичной мобилизации, когда мужчин практически невозможно было достать.

То есть возможно, но очень сложно, потому что не открывали дверь и так далее.

Но потом это все выровнялось.

Мы видим и в опросах, что настроения выровнялись.

То есть нельзя говорить о том, что произошли какие-то существенные изменения.

Что касается 1 600 человек – это действительно поквартирные личные интервью. И для 1 600 человек ошибка составляет 3,5%.

То есть, мне кажется, большая часть тех изменений, о которых я говорил, это действительные изменения.

Нельзя их списывать на ошибку выборки и так далее.

Это действительные изменения, которые происходят, тем более мы можем найти им соотношения в нашей недавней истории, что касается 2014 года и так далее.

Очень похожие и объяснимые изменения происходят.

Черныш М.Ф.: Это 3,5% для простой случайной выборки.

А для выборки конструируемой, стратифицированной это всегда больше, и Вы это знаете.

Это 5–6% минимум.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Кстати, Денис Александрович, если хотите ответить на вопросы, которые Михаил Вениаминович мне адресовал, Вы можете по ним тоже свое мнение высказать.

Если желаете, конечно.

Волков Д.А.: Я могу сказать только то, что нам тоже в упрек ставили, что приняты были законы, которые криминализуют какие-то высказывания резкие и так далее.

Прежде всего не столько критику правительства, а то, что касается фейков в отношении армии.

Но, Вы знаете, мы тоже спрашивали об этих законах. С точки зрения большинства наших сограждан, все правильно сделали.

Это прежде всего влияет на узкую прослойку журналистов, активистов.

Для опросов населения в целом, мне кажется, эти законы не сильно повлияли на возможность людей высказывать свое мнение, потому что они считают, что не для них эти законы писаны, а для кого-то еще.

Тосунян Г.А.: Да, Михаил Вениаминович чаще всего думает, что этот закон специально против него направлен.

Я шучу, конечно.

УГРЮМОВ М.В.
акад. РАН

Угрюмов М.В.: Гарегин Ашотович, просто есть примеры, когда вдруг ученых судили, обсуждали, и они исчезали из поля зрения.

Вы знаете, в Сибири было такое, в Новосибирске. Причем новый президент академии обещал перед выборами, что он все-таки сделает так, чтобы была возможность у академии участвовать в этих процессах.

Действительно, эти процессы по разным причинам были закрыты.

Где-то статья о госизмене, где-то еще что-то.

Но что за этим стояло на самом деле, мы до сих пор не очень понимаем.

Поэтому я хочу сказать, что прецеденты есть, и об этом нужно подумать.

Хорошо бы их не плодить.
Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Михаил Вениаминович.
Есть ли еще вопросы на этом этапе?

Пожалуйста, коллега Елисеева Ирина Ильинична.

| *чл.-корр.* **ЕЛИСЕЕВА И.И.** – **ВОЛКОВ Д.А.**

| **ЕЛИСЕЕВА И.И.**

| *чл.-корр.* РАН, д. э. н.

Елисеева И.И.: Денис Александрович, скажите, пожалуйста, Вы упомянули пол и возраст: что мужчины пожилые и так далее.

А образование работало где-то как дифференцирующая позиция, фактор?

Или же не работало образование?

Или Вы вообще не задавали этот вопрос?

Волков Д.А.: Спасибо.

Образование работало, но не всегда.

По конкретным вопросам надо смотреть.

Если возраст очень часто в этих вопросах действительно был дифференцирующим фактором, то образование – далеко не всегда.

Здесь надо смотреть по каким-то специальным вопросам.

Получается, что это не главный дифференцирующий фактор, хотя мы тоже, конечно, смотрим это всегда.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пока вопросов нет.

Тогда пойдем дальше.

Я попрошу Людмилу Александровну взять слово.

ДОКЛАД 2

ПРЕСНЯКОВА Л.А.

к. полит. н., руководитель группы «Финансовое поведение»
Фонда «Общественное мнение»

Гарегин Ашотович, спасибо большое.

Пока я буду запускать свою презентацию, хочу снять напряженность, которая у нас возникла на фоне предыдущего доклада.

Понятно, что проблематика острая и может вызывать некоторое напряжение.

Коллеги, я вас хочу успокоить в первую очередь тем, что и те данные, которые Денис Александрович представил, и те данные, которые я представлю, и Тимофей Александрович тоже, – это всё открытые данные.

По крайней мере полстерские данные открыты, они есть у коллег на сайте.

То, о чем я буду рассказывать, есть даже на сайте Банка России.

Мы с Вами обсуждаем сложную проблематику, но абсолютно в рамках действующего законодательства.

И даже с этической точки зрения никто никаких границ не переходит.

Более того, я как представитель полстерского цеха хочу сказать, что мы все эти нюансы, в первую очередь и этическую составляющую, обязательно учитываем в процессе нашей работы и в процессе взаимодействия с респондентом.

И у нас, и у коллег, я уверена, даже вижу по их материалам, проходит очень серьезная методическая работа над теми вопросами, которые мы респондентам задаем.

Чтобы, с одной стороны, максимально дать им возможность высказать свое мнение в текущей ситуации.

С другой стороны, чтобы не подвергать их никакой опасности, никакому риску.

Так что здесь – сфера нашей ответственности, и мы на нее смотрим.

Я хочу начать с методических вопросов заранее, чтобы снять дальнейшие вопросы про выборку и все остальное.

Мои данные также будут основаны на результатах опросов.

Наша выборка чуть-чуть побольше, чем у коллег, наша выборка – две тысячи респондентов.

Как и коллеги, мы рассчитываем погрешность обязательно с учетом дизайн-эффекта.

На двух тысячах респондентов она у нас 3,3%, а на полутора тысячах, кстати, у нас так же, как и у коллег, она 3,5%.

Поэтому здесь, с учетом того, что обе выборки стратифицированные, хотя чуть по-разному строятся, но общая идея та же самая и процент погрешности будет такой же.

У нас тоже квартирные опросы: интервьюер приходит на дом к респонденту и с ним разговаривает. Процент достижимости у нас примерно такой же, как и у коллег.

И я хочу сказать, что Вам, вероятно, слышать это впервые, может быть, и достаточно удивительно, что 60–65% не отвечают и только какая-то меньшая часть соглашается участвовать в опросах.

Но действительно, по нашим данным, никакого принципиального изменения достижимости с началом всех событий не произошло: ни по телефонным исследованиям, ни по исследованиям «фейс ту фейс», то есть «квартирникам».

Это означает, что люди отвечают примерно в той же логике, как и раньше, участвуя в социологических опросах.

Более того, те люди, которые и раньше отказывались участвовать в опросах, – это не какие-то особенные люди, с особенной точкой зрения.

На самом деле в них примерно сходным образом распределены и статистические показатели, и оценочные показатели, как среди тех, кто участвует в опросах.

Некоторые методические эксперименты на эту тему проводились.

Может быть, Денис Александрович про них подробнее расскажет.

На самом деле предполагать, что те, кого полстеры не опросили, – это люди-носители какой-то иной точки зрения и она такая массовая, раз их целых 60%, к сожалению, невозможно.

Более-менее сейчас опросы отражают то, что творится в общественном мнении. Хотя сложно иногда, глядя на эти цифры, в это поверить или как-то соотнести это со своей внутренней позицией.

Это был мой краткий вступительный комментарий, а сейчас я перейду к своей теме.

Я сконцентрирую свое выступление на экономических настроениях и на экономических ожиданиях населения.

Я буду рассказывать о них на примере индекса потребительских настроений (ИПН), который коллега уже упомянул.

Но я на него посмотрю более предметно.

Этот показатель мы измеряем прицельно начиная с 2009 года, в рамках нашего совместного проекта с Банком России.

По заказу Банка России мы изучаем как раз инфляционные ожидания и потребительские настроения населения.

У нас за это время скопилась достаточно интересная динамика, глядя на которую, как мне кажется, всем будет интереснее и проще интерпретировать ту ситуацию, которая происходит сейчас с экономическим состоянием и настроениями людей.

Для тех, кто не оперирует индексом потребительских настроений каждый день в своей работе, поясню, что это показатель, который был изобретен в Америке аж в 60-е годы прошлого века, в Мичиганском университете.

Одним из его соавторов был Джордж Катона, основоположник психологической экономики.

Идея этого индекса заключается в том, чтобы регулярно задавать респондентам пять простых вопросов об их мнении относительно собственного будущего и будущего страны, о настроениях в отношении крупных приобретений.

Чтобы на основании этого строить кумулятивный показатель, который отражает общие намерения потребителя: менять или не менять каким-то образом свое экономическое, потребительское и финансовое поведение.

Показатель действительно работающий.

Он много лет работает у нас, много лет работает в Америке.

Давайте после этой преамбулы наконец посмотрим, что с ним происходило.

Мы видим на графике индекс потребительских настроений, он отображен у меня жирной красной линией.

Есть еще две, тоже «нервные» линии: светло-голубая и темно-голубая – это его субиндексы.

Субиндекс ожиданий (темно-синяя линия) и субиндекс текущих оценок.

То есть этот индекс составной.

Я вывела эти три показателя на одном графике, чтобы нам сразу было видно много чего интересного.

Во-первых, что касается индекса потребительского настроения: начиная где-то с 2011 года, даже с конца 2009-го, этот показатель преимущественно находится в негативной зоне.

Я эту зону на графике специально выделила серым фоном, чтобы было видно.

Показатель измеряется в диапазоне от нуля до двухсот; соответственно, сто – это такая серединка.

Настроения и ожидания потребителей улучшаются

ИПН и его субиндексы: индекс ожиданий и текущего состояния

Данные в пунктах

© «ИпФОМ». Источник данных: ипФОМ для Банка России, Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений (данные за 2011-2023 годы): https://www.cbr.ru/analytica/ikp/infationary_expectations/; Данные за 1998 год: <http://ipn.socpol.ru/>; данные за 2009 год: <https://www.levada.ru/2009/06/02/dinamika-potrebitelikh-nastryenij-v-mae-2009/>

Рис. 20

И что мы видим?

Мы видим, что он выходил за пределы этой серединки, чуть-чуть поднимался вверх.

Что значит «в позитивной зоне»?

Это значит, что положительные ожидания преобладают над негативными ожиданиями в будущем.

Это было только в 2014 году, как раз в апреле, на фоне присоединения Крыма.

Снова это было в 2018 году, на фоне ожидания Чемпионата мира по футболу.

И мы видим, сейчас он выползает потихонечку в позитив: в январе был 101, в феврале – 102.

В марте мы данные получили, но пока не опубликовали, поэтому я их озвучивать не могу, но показатель по-прежнему чуть выше этой серединки.

Что мы видим сейчас?

Потребительские настроения, точнее говоря, настроения потребителей (более точный перевод этого показателя), провалились, как уже Денис говорил, в марте прошлого года – то есть сразу, как только начались все эти события, первая волна санкций и так далее, инфляция.

А дальше, видите, эта линия у нас растет, растет, растет.

Провал на мобилизацию, и снова рост, рост, рост.

То есть сейчас мы являемся свидетелями удивительного ралли экономических настроений населения с небольшим провалом на мобилизацию, который начался прошлой весной.

Насколько сильным у нас был провал тогда?

Тогда этот показатель провалился до 80 пунктов, что, в принципе, соответствует провалам «пандемическим».

У нас здесь была дырка в измерениях, когда были совсем жесткие локдауны: мы просто физически не могли проводить поквартирные опросы, поэтому 4 месяца в 2020 году мы пропустили.

А дальше начали их проводить.

Вторая волна пандемии тоже очень остро переживалась, индекс падал.

Но при этом мы видим, что все-таки и в пандемию, и сейчас он падал, но не настолько сильно, как он падал на фоне кризиса 2014 года.

В 2014 году уже до 78 проваливался индекс потребительских настроений.

Точнее, даже не в 2014-м, а в начале 2015 года.

То есть сейчас переживается ситуация не так остро, как она переживалась на фоне предыдущего кризиса.

А предыдущий кризис (здесь очень хорошо видно, и на других слайдах тоже будет видно) населением переживался на самом деле вовсе не в 2014 году, когда начались все основные проблемные экономические события.

В 2014 году еще была эйфория на предмет того, что «Крым наш, все хорошо, и нам пока ничего не страшно».

А самый большой провал, дно кризиса было сначала в феврале-марте 2015 года.

Потом был небольшой подъем, а потом очередное дно в 2016 году.

То есть на самом деле из предыдущего кризиса люди очень-очень долго выходили.

И реально вышли где-то – мы видим, где начинает подниматься этот показатель, – в 2017 году.

Дальше он потихонечку рос вверх.

А потом у нас снова пенсионная реформа ситуацию обрушила – он здесь тоже снижался. Не так низко, но все-таки достаточно прилично.

То есть мы даже сейчас видим – я возвращаюсь к сегодняшнему дню, – что ситуацию 2022 года население переживает все-таки гораздо более спокойно, чем хотя бы предыдущий кризис.

Может быть, сопоставимо как раз с историей с пенсионной реформой.

Теперь посмотрим чуть-чуть повнимательнее на разные оттенки голубого на графике.

Темно-синяя линия – это ожидания.

Мы видим, что эти ожидания у нас всегда превышают текущие оценки.

Ожидания в плюс у нас почаще выходят, чем текущие оценки, которые там были только где-то в начале 2014 года, – и все, с тех пор их там не было.

Сейчас ожидания вполне высокие: 112 пунктов, 111 пунктов.

Они явно находятся в позитивной зоне, на фоне того, что текущие оценки – это 88.

То есть разрыв почти в 30 пунктов, даже больше, между тем, как люди оценивают свою текущую ситуацию, и тем, чего они ожидают от будущего.

Здесь есть определенная проблема.

С одной стороны, конечно, хорошо, когда текущие оценки и ожидания друг с другом более-менее в какой-то близости находятся.

Может быть, не совсем одинаковые, но по крайней мере когда между ними не такой большой разбег.

Мы видим, что ситуация, когда оценки были близки с ожиданиями, как раз была в 2011 и в 2013 годах, и так было до кризиса 2014 года.

С тех пор показатели очень сильно разошлись.

Чуть-чуть они сближались в 2018–2019 годах, и чуть-чуть они сближались в негативной стороне во время пандемии.

Сейчас они снова разбежались, и разбег очень приличный.

То есть завышенность ожиданий на самом деле определенную под собой несет проблему.

Люди вкладывают в эти ожидания некоторую надежду и некоторый запрос по отношению к субъекту своих ожиданий – а им, как правило, выступает власть, правительство и так далее – на то, что ситуация будет налаживаться: в стране ситуация будет налаживаться, у них ситуация будет налаживаться.

При этом оценка того, как их собственная жизнь происходит, она остается достаточно низкой.

Текущие оценки, видите, вообще не выходят из негатива.

Очень прилично, посмотрите: при максимуме в 200, оценка 65. То есть это даже какая-то совсем нижняя треть.

А завышенные ожидания чреваты разочарованием, фрустрацией.

Если они не подпитываются чем-то, как если бы здесь была восходящая линия, если они не подпитываются каким-то подтверждением в реальности, то они становятся источником потенциальной угрозы социального недовольства, и больше того.

А если люди видят, что эти ожидания сбываются, то высокие ожидания – это уже и хорошо, потому что это некоторый драйвер, который «драйверит» экономическую активность, потребительское поведение и так далее.

Гарегин Ашотович, что касается Вашего самого первого, вступительного замечания относительно потребительского поведения – когда Вы говорили, что, может

быть, хорошо, что люди наконец останавливаются в гонке безудержного потребления, – я здесь в чем-то соглашусь, а в чем-то поспорю.

Конечно, до тех пор, пока наша экономика устроена так, как она устроена, потребительская активность – это ее существенный драйвер.

Это и драйвер создания новых рабочих мест или поддержания уровня безработицы на каких-то текущих, низких уровнях.

Это и драйвер хороших социальных настроений.

Это и драйвер, простите, социальной энергии, которую люди пока вкладывают в потребление.

Может быть, они могли бы вкладывать ее во что-то другое: инвестиции в себя, в развитие страны, в построение каких-то больших соцпроектов или получение пятнадцатого высшего образования.

Но пока еще, по большому счету, – тоже, о чем Вы говорили вначале, – у нас огромная доля бедных, у нас еще не удовлетворен у населения в достаточной степени потребительский голод.

Когда все население выйдет на какое-то достаточное плато высокого уровня жизни, хотя бы приемлемого уровня жизни за чертой бедности, тогда, может быть, уже можно будет надеяться на переход, на какое-то разумное потребление, перелом всей концепции экономики.

Это должно происходить не только в головах у людей и в их поведении, но должна структурно меняться экономика, чтобы она давала подобного рода рычаги людям.

Движемся дальше.

Здесь я хочу показать чуть более детально, из чего состоят наши экономические ожидания и что больше всего «драйверит» их вверх.

Мы видим, что «всю дорогу» темно-розовая линия – это ожидания развития страны в ближайшие пять лет.

Тревожность и настроения потребителей

Как соотносятся психологические и экономические настроения граждан

Данные в % от опрошенных и в пунктах

© «инФОМ», данные: ФОМ, проект «Доминанты» 2011–2023 год, <https://fom.ru/Dominanty>; инФОМ для Банка России, Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений: https://www.cbr.ru/analytic/sky/inflationary_expectations/

Рис. 21

То есть начиная с посткрымской ситуации и после кризиса россияне больше всего вкладывают надежд в то, что страна наконец начнет развиваться, что через пять лет начнется более высокий уровень жизни, в экономике все станет хорошо и так далее.

В 2014–2015 годах они это ожидали.

Вот как «оправдались» ожидания в 2020 году: мы попали на пандемию.

Сейчас снова у нас рост надежд на то, что в стране в среднесрочной перспективе в экономике ситуация будет благоприятная.

К этим ожиданиям прибавились и ожидания, что через год – не только пять лет надо ждать, но и в ближней перспективе – ситуация тоже будет налаживаться.

Более того, мы видим, что сейчас добавились еще ожидания, что и личное материальное положение через год тоже у людей будет улучшаться.

При этом текущие оценки внизу, самая низкая темно-серая линия – это индекс крупных покупок.

Это тот самый компонент индекса потребительских настроений, который отражает потребительские намерения населения.

Он очень сильно провалился в марте, когда был очень сильный испуг на фоне того, что потребление было активизировано, и были ажиотажные покупки.

Он сейчас подтягивается, но пока еще даже не приблизился к позитивной зоне.

Хотя смотрите, до того самого кризиса 2014–2015 годов этот показатель был в позитивной зоне.

С тех пор как он провалился, люди никак не могут восстановить свое потребление до того уровня, который им казался бы приемлемым.

В общем, сейчас время хорошим для крупных покупок считают всего 18%, а в два раза больше практически – считают его плохим.

Видно на этом графике.

На предыдущем я специально расписывала определенные события.

Мы видим два фактора здесь, которые повлияли довольно сильно на повышение наших индексов.

Во-первых, это летнее повышение пенсии в июле прошлого года.

Сейчас это и повышение пенсии очередное зимнее, это и повышение зарплат бюджетникам.

В октябре тоже было некоторое повышение зарплат определенным категориям бюджетников, которое

нивелировало провал от мобилизации. Для меня, кстати, одним из удивлений это как раз было.

У нас тоже все социальные настроения попадали, многие показатели попадали – я думала: всё, ИПН у нас куда-нибудь провалится.

А он у нас совсем немножко на фоне мобилизации провалился.

Я считаю, что два фактора этому способствовали.

Первое – то, что все-таки ситуация с мобилизацией была достаточно быстро купирована, она была недолго, быстро завершилась. Люди буквально уже через месяц смогли выдохнуть и понять, что их это не касается.

И второе – что какие-то денежные трансферты «всю дорогу» то намеками, то фактическим перечислением присутствуют.

Кстати, для иллюстрации здесь тоже привела данные о динамике индекса потребительских настроений в Штатах.

Видите, на самом деле у них он большую часть истории пребывает как раз сверху, выше середины, в позитивной зоне.

Зато сейчас, когда у нас настроения на высоте, в Америке они, наоборот, достаточно пессимистичные.

Коллеги, теперь несколько слов о тех факторах, которые влияют и связаны с нашими потребительскими и экономическими ожиданиями и настроениями населения.

Таких факторов можно выделить четыре группы.

Я какую-то часть из них уже перечислила, какую-то часть сейчас еще добавлю.

Во-первых, это социально-политический фон.

О нем Денис Александрович рассказывал достаточно подробно.

Дальше мы видим, что многие пики, которые были отражены на графиках у него, у нас повторяются.

И провалы примерно в тех же точках.

То есть политические события, безусловно, мгновенно получают отражение и в экономических настроениях людей.

Также это психологические факторы, чуть дальше о них скажу.

А из экономических факторов два самых ключевых явления, которые на самом деле фактически конституируют экономические ожидания нашего населения, – это фактор безработицы и фактор инфляции.

Даже в кризис 2014 года восприятие кризиса достигло пика не тогда, когда рубль упал до самого дна, а гораздо позже, через пару месяцев, когда люди наконец почувствовали на себе пик инфляции, почувствовали эти темпы и эти масштабы.

Собственно говоря, сейчас, в марте, была та же самая история.

То есть пик напряжения случился, когда уровень инфляционных ожиданий у нас был 18,3% в марте.

Это то же самое примерно, что у нас было в феврале 2015 года.

То есть у населения по показателям на уровне предыдущего кризиса было ощущение того, что происходит с инфляцией сейчас, в 2022 году.

А дальше обратите внимание, как наши инфляционные ожидания резко упали вниз: чуть-чуть у них был небольшой подъемчик в марте, и дальше, в принципе, нисходящее движение.

И сейчас эти движения, скорее, все-таки говорят о том, что инфляционные ожидания снижаются.

Я здесь хочу еще сделать небольшую ремарку.

Вот эти цифры на графике – 18,3; 18,1 – на самом деле, по нашим данным опросным, это медиана инфляционных ожиданий, которые мы спрашиваем у населения.

Ожидания безработицы и инфляции и настроения потребителей

Как влияют на ИПН ожидания роста безработицы и инфляционные ожидания

© инфОМ. Источник данных: инфОМ для Банка России. Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений:
https://www.cbr.ru/analytic/d9q/inflationary_expectations/

Рис. 22

Мы просим респондентов дать их прогноз.

Мы над ними жестоко издеваемся.

Мы просим их действительно дать прогноз с подсказкой, с карточкой с диапазонами, чтобы они дали прогноз, какой будет инфляция.

И дальше мы считаем медианную оценку их ожиданий.

Понятное дело, что для людей это сложная задача.

Достаточное количество с ней просто не справляется, люди в процентах не мыслят.

Конечно, сограждане завышают оценки.

Иногда достаточно серьезно, относительно официальных данных. Иногда они сближаются.

Поэтому мы стараемся в этой ситуации смотреть по максимуму на динамику.

А не на абсолютные цифры – они не будут совпадать со статистикой по разным причинам.

И потому, что людям сложно, и потому, что статистика тоже измеряет очень «среднее по палате», которое зачастую не совпадает с инфляцией конкретных людей.

Но тем не менее движение того, куда идут настроения, куда идут ожидания, оно для нас важно, оно нам показывает, что происходит.

Инфляционные ожидания находятся в обратной корреляции с индексом потребительских настроений.

Как только они повышаются, индекс падает. Как только они снижаются, индекс начинает расти.

Второй показатель – это безработица. Здесь корреляция, наоборот, прямая.

У нас приведен индекс ожиданий улучшения ситуации с безработицей.

Поэтому он тоже: чем выше, тем лучше.

Все равно люди скептически к этой ситуации относятся.

Он тоже в негативной зоне находится, он тоже от нуля до двухсот измеряется.

Он у нас, видите, даже до сотни не доходит.

То есть напряженность, беспокойство о том, что безработица будет расти, – это постоянная боль нашего народонаселения, особенно работающего.

Тем не менее мы видим, что с потребительскими настроениями он находится в позитивной корреляции.

То есть если у людей ослабляется напряжение на эту тему, то ИПН растет; если напряжение растет, то мы видим, что ИПН одновременно у нас снижается.

И второй фактор – то, что в прошедшем году на фоне всех событий, на фоне того, что уходили западные бренды, вроде бы высвобождалась сила рабочая, у нас не произошло существенного роста безработицы.

Мне кажется, это был второй существенный экономико-психологический момент, который удержал настроения людей, создал фундамент для того, чтобы они даже повышались и улучшались.

Вкупе с инфляцией, которая была достаточно быстро купирована, люди это мгновенно чувствуют.

Им, конечно, приходится адаптироваться к ее возросшему уровню, но темпы уже не такие галопирующие, как были в первые два месяца.

Поэтому сейчас каким-то образом с этой историей все-таки людям можно справляться.

То есть сдерживаемые безработица и инфляция – это два базовых фактора социальной стабильности в настоящее время.

Тянется это на самом деле достаточно давно, по крайней мере, как видите, всю историю наших наблюдений.

Наконец, про психологическое состояние общества.

Мы тоже измеряем, интересный показатель, спрашиваем у людей: какое настроение преобладает в вашем окружении – тревожное или спокойное?

Желтая линия – это ответы «тревожное настроение», и она тоже, как видите, идет ровно в противофазе с потребительскими настроениями.

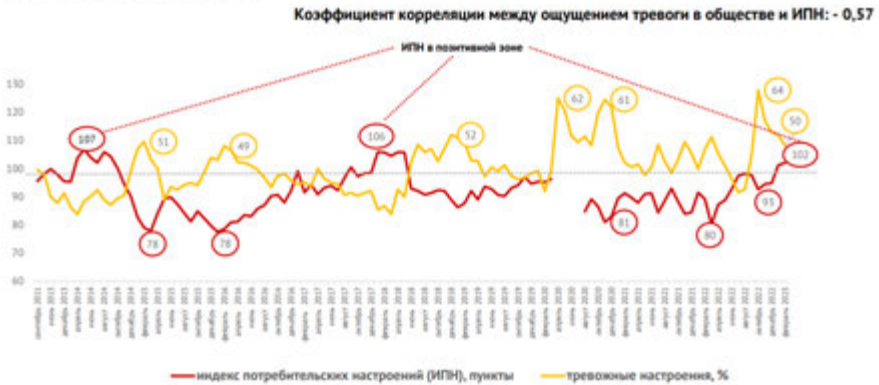
Высокая тревожность – низкий ИПН; низкая тревожность – ИПН повышается.

Тревожность и настроения потребителей

Как соотносятся психологические и экономические настроения граждан

Данные в % от опрошенных и в пунктах

© «инФОМ»: данные: ФОМ, проект «Доминанты» 2011-2023 год, <https://fom.ru/Dominanty>, инФОМ для Банка России, Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений: https://www.cbr.ru/analytics/skp/inflationary_expectations/

Рис. 23

Про тревожность мне хочется сказать немножко подробнее.

Дальше Тимофей Александрович расскажет более детально это.

Но что я хочу сказать: с тревожностью мы видим вот какую штуку интересную.

Если раньше она у нас возникала, в принципе, сравнительно нечасто и «вылетала» в высокие зоны, то есть в зоны преобладания тревоги над спокойными настроениями, то где-то на уровне примерно 51% говорили о тревоге, а где-то 40% говорили, что спокойное вокруг них настроение, то есть чуть больше половины против, чуть меньше половины – такие были уровни.

Первый взлет – это тот самый кризис, дно 2015 года, дно 2016 года. Соответственно, здесь пики тревожности.

Затем у нас был достаточно длительный период более-менее сниженной тревожности.

Потом эта тревожность начала расти во время пенсионной реформы и чуть позже.

Прошел пик, потом достаточно долгий период выхода.

А сейчас мы видим, что у нас в последние годы, начиная с пандемии, тревожность возникает постоянно, то есть давление психологическое в обществе усиливается.

Люди перестают чувствовать себя базово спокойно.

То есть тревога уже суммарная.

Здесь экзистенциальных причин очень много.

И пики выше.

Вот у нас пошла эта «елочка» здесь, мы видим: 62, 61, 64, в момент мобилизации было аж за 70 (на графике усреднено за месяц), а в первые недели было еще выше.

Мы видим, что, если раньше тревога была, ты ее пережил, как-то адаптировался, пошел дальше, успокоился, можешь строить планы, можешь как-то дальше двигаться по жизни вперед.

А теперь люди едва успевают выдохнуть после очередной тревоги.

Одна причина, вторая причина, здесь причина, здесь снова причина для волнения.

На самом деле это очень неблагоприятный фактор, который очень сильно изнашивает физиологический капитал общества, состояние здоровья общества и социальный его капитал тоже.

Потому что состояние тревоги и ощущение этой тревоги, «разлитой» вокруг, которая даже сейчас, видите, до нашего собрания докатилась в ряде реплик, – она не позволяет никакого особенно конструктивного социального действия. И экономического в том числе.

Наконец, последний слайд моей текущей презентации.

Здесь я хочу показать разницу в ИПН по разным социальным группам.

Действительно, у Дениса много было сказано о том, как политические события по-разному переживаются разными социальными группами.

Ожидания потребителей различаются в зависимости от материального положения, возраста и типа поселения

ИПН в разных социальных группах, февраль 2023

Данные в пунктах

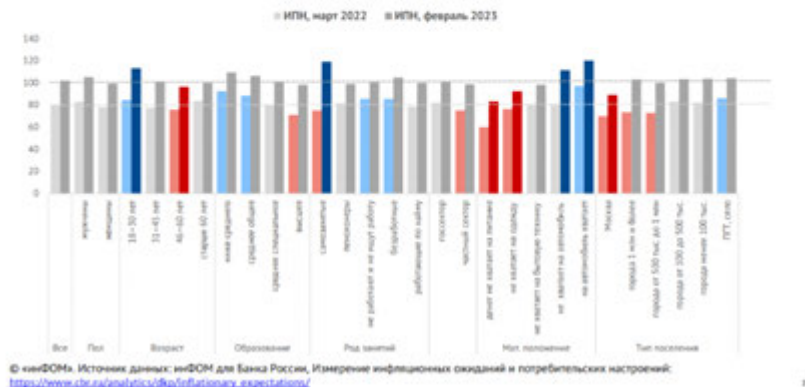

Рис. 24

Я хочу добавить к этому, насколько по-разному экономическая ситуация, проблематика переживается разными группами, и обратить внимание на некоторые особенные группы.

Смотрите, чтобы этот слайд можно было читать, я поясню.

Здесь показаны светлым тоном ИПН за март прошлого года, то есть когда был провал последний.

И более темным – ИПН за февраль, сейчас, когда у него пик. Здесь он был 80, здесь он 102.

А синим цветом я выделила группы, у которых тогда и сейчас этот показатель выше, то есть они лучше воспринимают ситуацию. Соответственно, красным – где ситуация хуже.

Что мы здесь видим?

С одной стороны, мы видим молодежь, которая и тогда, и сейчас была настроена в плане

потребительских ожиданий и экономических настроений все-таки лучше, чем все остальные возрастные категории.

Особенно, чем поколение 46–60 лет, то есть то самое поколение-сэндвич, которое сейчас на себе во многом несет ответственность, с одной стороны, за родителей, с другой стороны, еще дети не все оперились.

То есть самая большая финансовая нагрузка у нас в этой группе населения.

Притом что по доходам они уже далеко не самые первые.

Почему молодежь более-менее легко это все переживает?

Во-первых, в психологическом отношении молодые более оптимистичны.

Они по всем показателям более оптимистичны.

Мы измеряли благополучие: у них гораздо выше уровень благополучия.

Это возрастная вещь – смотреть на мир более радостно до определенного возраста.

Второй момент: у нас молодежь, действительно, вообще-то говоря, одна из тех, кто выигрывает от текущего экономического положения.

Например, сейчас, по нашим замерам, доля людей, у которых есть сбережения, самая высокая именно в этой группе – до 30 лет.

Если до 2017 года у нас самая большая доля сберегателей была среди пенсионеров (пенсионеры, в принципе, склонны откладывать, многие из них это делают; не все, но порядка половины из них все-таки ухитряются это

делать со своей пенсией), то молодежь где-то с 2017–2018 годов вышла в лидеры.

Здесь как раз больше половины, а то и 60% имеют сбережения.

Это группа, у которой есть собственный финансовый запас.

И доходы у них выше, и возможность работать сейчас больше. И они поэтому какие-то экономические неурядицы воспринимают поспокойнее.

Тяжелее всех, как я уже говорила, возрасту 46–60, предпенсионному.

Дальше, про образование.

Малообразованные респонденты в марте чуть легче воспринимали ситуацию, сейчас они, в принципе, сравнялись со всеми остальными.

Тогда, видимо, были какие-то иллюзии у людей, что «а, да ладно, все преодолеем».

Сейчас в чем-то их ожидания оправдались, потому что все эти показатели выросли.

А люди с высшим образованием как раз наоборот, гораздо сильнее испугались в марте.

Сейчас посмотрели на ситуацию, увидели, что катастрофы не происходит, и как-то подравняли свои ожидания.

Интересная категория самозанятых.

Здесь у нас самозанятые, работающие на себя, немножко предприниматели тоже есть.

Мы видим, что в начале ситуации, в марте, у них показатель был ниже, то есть у них был наибольший скепсис по поводу себя, своего будущего и так далее.

Но год прошел, они адаптировались к этой ситуации. И сейчас они, наоборот, как мы видим, себя чувствуют гораздо лучше, чем остальные.

На самом деле мы и по другим, кстати, нашим измерениям видим, что группа работающих на себя, особенно самозанятых (предпринимателей в меньшей степени, им все-таки сложнее, потому что это целый бизнес, и там много есть трудностей, с которыми они сталкиваются, не от них зависящих), гораздо более оптимистично настроена, чем те же наемные работники, у них и с материальным положением ситуация получше.

Что это означает?

Люди начинают просто выкручиваться сами, усиливать какую-то собственную активность и тем самым улучшать себе состояние.

Еще хотела обратить внимание на работников частного сектора.

У них тоже вначале, в марте, была напряженность.

И сейчас они сравнялись со всеми остальными.

Про частный сектор еще хочу сказать отдельно.

Мы за ним внимательно смотрим начиная с пандемии.

Мы видим, что в найме работники частного сектора по всему: и по настроениям, и по оценкам, и по своему текущему материальному положению, и по уровню доходов, о котором они нам рассказывают, и по закредитованности, и по невозможности делать сбережения – они проседают на фоне бюджетников (тех, кто работает в госсекторе, на предприятиях с госучастием, в бюджетном секторе и так далее).

У бюджетников ситуация лучше, и настроение у них гораздо лучше, особенно по поводу текущей ситуации.

Опять-таки по материальному положению.

Бедные – это те, кто в первую очередь несет издержки.

Если высказывалась гипотеза, что, может быть, географически определенные регионы несут издержки больше от ситуации, если говорить экономически, то самые бедные, они несут бóльшие издержки тоже.

И здесь мы видим, и по другим нашим исследованиям, что там и поддержка ниже всей текущей ситуации, и удовлетворенность экономическим положением ниже, и ожидания хуже.

То есть бедным тяжелее всего.

В этом отношении их поддержка, которая уже делается и которая, может быть, еще будет сделана, – это сейчас очень важный и правильный шаг для поддержания социальной стабильности и этой уязвимой группы.

Люди, которые чуть побогаче по самооценке, те, кто хотя бы бытовую технику может купить, и те, кто может купить, например, автомобиль и больше, условный средний класс наш, у них ситуация получше, во всех смыслах получше.

У них явно есть запас прочности, который сформировался еще в пандемию, когда тратить было особо некуда, и он еще остался.

У них явно более устойчивое положение на работе и где-то еще.

То есть у них, в принципе, все не так плохо.

Сейчас иногда от коллег слышим, что средний класс лишается какой-то поддержки.

В долгосрочной перспективе, безусловно, это просто так оставлять, наверное, нельзя.

Но в краткосрочной перспективе у них определенный запас прочности, судя по всему, есть.

И по типам поселений: у нас разбивка по крупности населенных пунктов.

Самая большая просадка в Москве.

Естественно, скептиков по поводу экономической ситуации больше всего в столице.

Коллеги, это, наверное, все данные, которыми я хотела поделиться.

Если интересно более детально, то у нас есть отчет с большим количеством данных, который ежемесячно Центробанк публикует у себя на сайте.

И еще у нас есть книжка с более детальным анализом предыдущего кризиса.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо за такой обстоятельный доклад.

Пожалуйста, предоставьте нам эту книгу.

Если Вы не возражаете, мы разместим ее на нашем сайте, чтобы все желающие имели доступ.

Вижу желающих выступить.

Слово Якову Моисеевичу.

| проф. МИРКИН Я.М. – к. полит. н. ПРЕСНЯКОВА Л.А.

Миркин Я.М.: Спасибо за доклад.

Для меня самый главный вывод, что индекс потребительских настроений (ИПН) находится в позитивной зоне.

Тогда вопрос: с Вашей точки зрения, когда человек выставляет свою оценку ИПН, насколько его решение является рациональным?

Потому что странно.

Экономика, страна находится в глубоком конфликте, находится под давлением, идет СВО.

Второй вопрос, связанный с первым.

Возникает противоречивая картина.

С одной стороны, рост уровня тревожности, который Вы показываете.

Еще один аргумент, фактически, движения – резкий рост выезда, эмиграции активной части населения.

По оценке, это где-то до 700 тысяч человек.

То есть это фактическое движение населения. Не опросное, а фактическое.

С другой стороны, позитивный ИПН.

Как это может совмещаться?

Мы хорошо знаем о проблемах на рынке недвижимости, например.

Мы понимаем, что у населения, так же как и в бизнесе, очень короткие горизонты временные, инвестиционные горизонты.

Ведь ИПН – это о будущем.

Вот два вопроса. Как Вы для себя это объясняете?

Преснякова Л.А.: Спасибо большое.

Постараюсь ответить на вопрос, насколько это рациональные оценки.

Они частично рациональные, частично эмоциональные.

Естественно, когда ты человека просишь высказаться о будущем, он ограниченно рационален, безусловно.

Это мы с Вами будем строить прогнозные модели, использовать информацию, анализировать, а потом выдадим рациональный ответ.

Обычный человек, особенно в ситуации опроса, когда к нему приходит интервьюер, незнакомый ему человек, и начинает разговаривать на экономические темы, он рассказывает то, что может в данный момент в этих обстоятельствах выдать.

Но этот фактор действовал всегда.

Сейчас мы человеку задаем вопросы в тех же условиях, тот же самый незнакомый интервьюер приходит и спрашивает, как десять лет назад, двадцать лет назад, во время кризиса 2008 года, 1998 года.

Кстати, на первом слайде у меня как раз была цифра: этот индекс чуть ли не до 47 падал.

То есть рациональность ограниченная.

Человек под влиянием этой же своей ограниченной рациональности дальше строит свои экономические планы и действия.

Если он привык анализировать статистику, то он сначала проанализирует статистику, а потом решит, куда вложить деньги.

А если не привык и слушает знакомых, жену, брата и так далее, то он по-прежнему будет использовать те же самые механизмы.

Про противоречия.

Мы говорим про выезд 700 тысяч человек, где-то я слышала оценки в 1 миллион и даже 3 миллиона человек.

Опрашиваем мы – репрезентируем, опрашивая 2 тысячи человек, – 115 миллионов взрослого населения.

Сравните: 115 миллионов и 1 миллион выехавших.

Эти тонкие движения тех, кто выезжает, кто покупает недвижимость, они исчисляются не миллионами, если мы говорим не про ипотеку, а про инвестирование куда-то, их гораздо меньше.

На самом деле большинство людей имеют достаточно небольшое количество денег, у них ограничены возможности инвестирования.

Тем более нулевые возможности по мобильности.

Мы как-то проводили опрос: у нас больше половины населения в жизни не выезжало за пределы своего населенного пункта, своего региона.

Не просто на работу, куда-то еще, просто на отдых даже не выезжало.

У нас очень низкая мобильность населения в стране.

То есть чувствует на себе сейчас эти проблемы, буквально на своей шкуре, или опасается, что до них может доехать, или видит какие-то для себя неблагоприятные перспективы очень-очень узкая прослойка населения.

А большинство населения этого не видит в силу своей ограниченной рациональности, в силу ограниченного уровня образования.

Все-таки с высшим образованием у нас не так много людей, треть примерно, а две трети все-таки без.

В повседневности многие люди не заметили пока что всего спектра проблем.

Например, ушедших брендов, о чем Денис рассказывал, действительно, большинство населения не заметили, влияния санкций напрямую не заметили.

Люди видят рост цен на хлеб, молоко и все остальное.

Вот это они почувствовали, но это прекратилось, это пережили.

Поэтому жизнь не изменилась.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Опять же здесь, наверное, ключевое слово – это «пока что». Да?

Преснякова Л.А.: Да.

Полтерович В.М.: Спасибо большое, Людмила Александровна, за интересный доклад.

Фонд «Общественное мнение» ведет тщательную и аккуратную, интересную работу.

Я хотел бы уточнить вопрос, который был уже задан.

Когда мы говорим об индексе настроений и индексе ожиданий, было бы интересно выяснить факторы, которые влияют на эти индексы.

Я знаю, что у вас в фонде и эконометрические расчеты ведутся серьезно.

Не пытались ли вы строить соответствующую регрессию?

Я сейчас уточню, какие вопросы были бы интересны.

Берем индекс потребительских настроений – в какой мере он связан с динамикой реальных доходов населения?

В какой степени на него влияет идеологическая составляющая?

Скажем, усиление определенной агитации может повлиять на индекс настроений.

И то же самое касается индекса ожиданий.

Индекс ожиданий отражает прогнозную способность населения, или он определяется по большей части идеологической составляющей?

Не пытались ли вы отвечать на такие вопросы?

Спасибо.

Преснякова Л.А.: Сразу скажу, что пока еще не пытались.

Потому что это очень сложная задача.

Полтерович В.М.: Наверное, стоило бы попытаться.

Преснякова Л.А.: Знаете, до какого-то момента даже думать об этой задаче было невозможно, потому что у нас просто точек было довольно-таки мало.

У нас только сейчас набралось 115 замеров или 120, когда можно элементарные какие-то корреляции построить.

Полтерович В.М.: Лучше регрессию строить.

Преснякова Л.А.: Регрессию ту же самую, да.

Вообще, за идею спасибо, коллеги.

Знаете, у меня был один из таких корыстных мотивов участия в сегодняшнем мероприятии.

Я знала, что вы добавите еще каких-то дополнительных идей по более углубленному анализу.

Что-то мы пытаемся делать, а что-то мы, конечно, не успеваем, потому что мы – полстерская фабрика, мы, скорее, собираем данные, чем «перевариваем» их.

Но это действительно интересная тема. В нее надо углубляться.

Я показала верхние, самые очевидные, факторы, которые видно без глубинных эконометрических моделей.

Действительно, какие-то более тонкие вещи, включая воздействие информационной повестки и элементы идеологии, они могут вкладываться в тот же самый индекс ожиданий.

Это очень хорошая гипотеза, которую надо думать, как проверять.

Реальные доходы каким-то образом влияют, но здесь тоже надо смотреть, как влияют.

Потому что по доходам история не такая, как наша кардиограмма.

Она, скорее, возрастающая.

Например, у нас есть вопрос по самооценке материального положения: оцените, на что вам хватает денег?

Хватает на еду или хватает на автомобиль и выше?

Мы наблюдаем очень любопытную картину, когда все говорит о падении реальных доходов населения...

Если позволите, я вам покажу картинку – результаты нашего опроса про доходы, это медиана.

В 2009 году было 5 с чем-то тысяч рублей – это средний душевой доход.

Сейчас – 17 тысяч.

Полтерович В.М.: Вы показываете реальные доходы?

Преснякова Л.А.: Да, мы спрашиваем.

Это оценка по самооценке респондентов.

Это даже не статистика.

Полтерович В.М.: А не стоит ли рядом нарисовать кривую реальных доходов?

Преснякова Л.А.: Надо ее нарисовать, да.

И второй момент, который я хотела сказать по материальному положению.

Доля тех, кто говорит о том, что им стало хватать на автомобиль и выше, после 2015 года с 4% уже выросла до 14–16% сейчас.

Она росла постепенно.
То есть уровень жизни населения повышается.
Еще раз, я не буду углубляться в дискуссию.
Да, за идею спасибо.
Пока не анализировали, попробуем.

| **ТОЩЕНКО Ж.Т.**

| чл.-корр. РАН, д. филос. н., профессор,
главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ
РАН

Тощенко Ж.Т.: Прежде всего спасибо, Людмила Александровна, за интересный доклад.

Я хотел бы услышать Ваши соображения о так называемом сберегательном поведении людей, о наличии вкладов или других форм сохранения своего дохода.

Есть ли разница между людьми, которые имеют сберегательные возможности, и людьми, которые их не имеют, при оценке ожиданий и других настроений?

Спасибо.

Преснякова Л.А.: Спасибо большое за вопрос.

Сразу на его вторую часть отвечу.

Да, разница как раз есть.

У тех, у кого есть сбережения, у них всегда все оценки и ожидания выше и лучше, чем у тех, у кого нет.

Потому что эти две группы различаются между собой уровнем жизни.

Те, у кого есть возможность делать сбережения, они более благополучны, у них выше доходы, поэтому им и удастся делать сбережения.

Те, у кого сбережений нет, им просто жить тяжелее, поэтому у них взгляд гораздо более скептический.

Что касается изменения сберегательного поведения, то за последний год, по нашим данным, – опять-таки из самоотчетов респондентов, а это немножко другая

история, нежели банковская статистика, – по нашим данным, радикальных изменений не произошло.

Чуть-чуть увеличивается склонность к сбережениям декларируемая, но нельзя говорить, чтобы она драматично увеличилась.

При этом я должна сказать, что в изучении сберегательного поведения и каких-то тонких элементов финансового поведения социологические моменты немного ограничены.

Потому что мы опять-таки имеем дело с нашей выборкой.

При этом, например, депозиты под проценты традиционно у нас имеют от 8 до 11% сограждан.

Эта разница между ними – сегодня 8, завтра 11 – она в рамках статистической погрешности, о которой коллега говорил.

Здесь нашей «оптики» для тонких различий не хватает.

Мы видим только большие и крупные.

То есть если количество сберегателей падает с 30 до 20%, мы это увидим.

Если оно флуктуирует с 35 до 40%, то мы даже не пытаемся сильно интерпретировать эту динамику.

Та же самая история – с инвестициями, с недвижимостью.

Это неуловимо для больших социологических опросов, к сожалению.

Угрюмов М.В.: Я не специалист в этой области, но есть такое понятие – скрытая безработица.

У меня вопрос: как соотносятся реальная безработица и скрытая безработица в нашей стране?

И есть ли такое понятие, как «скрытая безработица», например, в европейских странах с социально ориентированным режимом?

В той же самой Франции установлена минимальная зарплата, которую можно платить, зачисляя на любую работу.

10 лет назад, по крайней мере, это была тысяча евро.

То есть это где-то, наверное, превышает или соответствует прожиточному минимуму человека.

И таким образом, если есть такой закон, то скрытая безработица, я так понимаю, сводится к нулю.

Как у нас в этом отношении обстоит дело?

Есть ли соотношение с получаемой зарплатой?

Преснякова Л.А.: Коллеги, к сожалению, я не смогу ответить на этот вопрос, потому что прицельно проблематикой безработицы и скрытой безработицы мы не занимаемся, тем более в сравнительном аспекте.

Это вне моей компетенции.

Черныш М.Ф.: Хочу поблагодарить Людмилу Александровну за очень интересный доклад.

Если и есть какие-то замечания, то они не направлены на то, чтобы принизить значение тех данных и результатов, которые получены.

Но вопросов все равно не избежать.

Первый из них относится к некоторым группам, которые присутствуют в Ваших данных, например, группе самозанятых.

Самозанятые, я так понимаю, это примерно 5% работающего населения в России.

У Вас выборка общероссийская, значит, 40% в ней – пенсионеры, 60% – работающие.

Из них самозанятых обычно 5%.

Преснякова Л.А.: Больше.

Черныш М.Ф.: В Китае 10%, а у нас все-таки поменьше.

Получается, если мы посчитаем с Вами, 50–60 человек.

Считать динамику на такой малой подвыборке, наверное, не имеет никакого смысла, правильно?

Аналогичная ситуация с безработными.

Если Вы хотите посчитать мнения в этой группе, то надо делать оверсэмплинг, специальную выборку для этих групп, а уже потом приводить данные по ней, если, конечно, ставится такая цель.

Далее.

Вопрос по инфляции – ужасный и неприемлемый вопрос.

Нельзя задавать людям такие вопросы, потому что люди в своем большинстве некомпетентны, чтобы оценивать уровень инфляции.

Борис Грушин в свое время для того, чтобы проверить вопрос, предлагал мыслительный эксперимент.

Представьте себе, что задаете вопрос семидесятилетней старушке в республике Коми.

Как она на него будет отвечать?

В этом случае сразу становится понятно, насколько адекватен вопрос.

Кстати, какова была доля людей, которые компетентно ответили на вопрос об инфляции?

Преснякова Л.А.: Спасибо большое за вопросы.

По поводу старушки из Коми – у нас это баба Маша с Урала, простите.

У нас всегда есть образ максимально профанного³ респондента, на котором мы в ходе мысленного эксперимента тестируем вопросы.

Но по возможности, особенно когда мы задаем какие-то новые вопросы или какие-то, которые нас особенно беспокоят, мы всегда делаем не мысленный эксперимент, а реальный.

Мы очень много делаем пилотажей, пилотируем и анализируем, как слышится наш вопрос.

Мы слушаем, как интервьюер его задает, потому что интервьюер может не понять, как спросить.

То есть проблема может в том, что интервьюер наш вопрос не понял.

Мы слушаем, как интервьюер спросил, мы слушаем, что ему ответила наша тетя Маша, как она его

---

³ *Здесь: непрофессионального, неподготовленного. (Ред.)*

переспрашивала, как она комментировала, куда она его посылала во время этого вопроса и так далее.

Я соглашусь, что многострадальный вопрос про инфляцию – один из самых трудных наших вопросов в исследовании.

На него не отвечают порядка трети, просто затрудняются ответить.

Это тоже наша стандартная история.

То есть люди даже не пытаются оценить.

Оставшиеся оценивают.

Но я бы здесь говорила не о компетентности респондента.

Мы же его не просим дать прогноз инфляции как профессионального экономиста: а скажи-ка ты, Иван Иванович, Эльвире Сахипзадовне подскажи, какой должна быть инфляция, какой она будет в следующем году, а то, может, Эльвира Сахипзадовна не знает.

Мы спрашиваем о его собственном ощущении, и люди какое-то ощущение в процентах, глядя на подсказку с карточки, дают.

Да, вопрос ограниченный, вопрос несовершенный, вопрос не дает никакого идеального ответа.

Тем не менее, когда мы смотрим на его динамику, то видим, что она конгруэнтна реальной ситуации, ожидание коррелирует с реальной инфляцией.

Мы усредняем это все в результате, показываем медиану и видим, что некоторое общее чутье у людей на эту тему есть.

Методика несовершенна. На то у нас и погрешность.

И в принципе социологические методы – это не ядерная физика, здесь точность своя.

Поэтому претензии принимаю с определенными оговорками.

Все-таки мы позволяем себе интерпретировать этот вопрос.

И стараемся по максимуму сложных для респондента вопросов избегать.

Черныш М.Ф.: Проценты люди не считают, вот в чем проблема.

Преснякова Л.А.: У людей вообще, мы знаем, очень сложная схема восприятия инфляции.

Люди ее видят не в процентах, люди ее видят в интуитивной разнице между ценой вчера и ценой сегодня, и не могут даже сказать, какой она была.

Люди видят в разнице чека.

Тосунян Г.А.: Люди в ощущениях выражают.

Преснякова Л.А.: В ощущениях, а мы пытаемся оцифровать.

Я еще быстро на краткий вопрос насчет самозанятых отвечаю.

Все группы, которые я показывала здесь, они от ста человек и больше.

Мы присматриваем за тем, чтобы это не были совсем крошечные группы, на которых невозможно смотреть данные надежно.

У нас сейчас 9% самозанятых от всех опрошенных. То есть от работающих это будет еще больше.

Их число стремительно растет в последнее время – самозанятых по их самоопределению.

То есть так, как респондент себя сам определяет.
Мы не спрашиваем его налоговый статус во время
опроса.

Черныш М.Ф.: Людмила Александровна, это же от-
крытие, если число самозанятых растет.

Вот на чем надо делать акцент.

Это же действительно настоящее открытие, если в
России растет число самозанятых и уже превысило 10%.

Это феноменальный результат.

На эту тенденцию надо обращать внимание.

| *чл.-корр. ЕЛИСЕЕВА И.И. – к. полит. н. ПРЕСНЯКОВА Л.А.*

| **ЕЛИСЕЕВА И.И.**

| чл.-корр. РАН

Елисеева И.И.: Спасибо большое.

Людмила Александровна, меня интересует общий вывод.

Все-таки чаще эксперты склонны утверждать, что теряет средний класс.

У Вас же получается, что средний класс имеет подушку безопасности и пока ничего катастрофического не ощущает, а страдают бедные.

Как же тогда обычное утверждение экспертов, что теряет в основном средний класс, а бедные как были бедными, так они и есть бедные, им помогла поддержка, повышение пенсии и так далее, бедные как раз меньше всего потеряли.

Интересно, как Вы сопоставляете свои выводы с выводами других коллег?

На этом фоне какое окончательно резюме формируется?

И еще вопрос – по поводу технологии опроса.

Ваша выборка репрезентативна по каким показателям?

Это во-первых.

Во-вторых, какие волшебные слова находят Ваши интервьюеры, чтобы им открыли дверь, чтобы с ними час или полтора обсуждали проблемы?

Это очень интересно, потому что при проведении переписи населения всегда ссылаются на недоверие населения к государству, нежелание контактировать и открывать дверь.

Переписчики идут в ЖЭК, переписывают информацию, которая неполная заведомо, а может быть и недостоверной.

Интересно, какие технологии использует Фонд «Общественное мнение»?

Преснякова Л.А.: Начну со второго вопроса.

У нас интервьюеры все выпестованы, некоторые работают по 20 с лишним лет.

Они за это время научились находить подход к респондентам.

При этом мы их проверяем, у нас все интервью идут на планшете.

Мы и геоточку видим: пришел интервьюер в ЖЭК или все-таки по нужному адресу.

Ведется запись разговора, потом она прослушивается, то есть идет очень хороший контроль.

Плюс у нас есть инструктаж: по поводу инфляционных ожиданий ежегодный большой инструктаж и по сложным анкетам дополнительный, где мы проходим по всем сложным моментам и рассказываем, как с респондентом разговаривать.

Хотя да, люди стали больше напрягаться при разговоре на тему денег.

Но на это есть много наших профессиональных механизмов.

Что касается первого вопроса и того, что идет в разрез с экспертами, которые говорят о страдающем среднем классе.

Я подчеркну, как Гарегин Ашотович сказал, что ключевое слово – пока.

Я прямо подчеркну его.

Пока, по факту, за этот год средний класс еще не успел пострадать.

В перспективе у него, конечно, вероятность ухудшения ситуации, нежели улучшения.

Не видно пока, за счет чего он будет дальше расти, процветать и так далее.

У среднего класса есть проблемы.

Но пока его это еще не коснулось.

Мне кажется, что многие из нас как представители среднего класса тоже могут на своей жизни это понять, те из нас, кто к нему относится.

| **акад. ТОСУНЯН Г.А. – к. полит. н. ПРЕСНЯКОВА Л.А.**

Тосунян Г.А.: В завершение я короткий вопрос задам, на который желательно ответить коротко.

Вы приводили пример по индексу потребительских настроений в сравнении с США – там был позитив, кроме последнего года.

А по уровню тревожности есть у Вас сравнения с Европой, США или Китаем?

Преснякова Л.А.: К сожалению, нет.

Сложно сравнивать, потому что вопросы везде разные.

У нас не международный показатель – у нас свой показатель.

Поэтому, к сожалению, пока такой информации нет.

Тосунян Г.А.: Хорошо, спасибо.

Вопрос, который я хотел ранее задать по поводу потребительского голода бедных слоев населения.

Я только «за», если он даже был бы высокий, но при этом удовлетворялся.

А когда потребление для некоторых слоев населения заключается в вопросе, какой очередной «Майбах» купить, – это уже другого характера потребительский ажиотаж.

Это становится какой-то потребительской дикостью.

С другой стороны, у других слоев населения есть потребительские желания иного рода.

Например, у родителей, которые хотят ребенка теплее и лучше одеть, купить побольше книжек, отправить

играть на фортепиано, заниматься спортом, изучать языки, – этот потребительский спрос меня не только не смущает, он только радует.

Поэтому одно дело вести разговор о потребительском спросе, разлагающем общество, а другое дело – о потребительском спросе, являющемся драйвером развития общества.

Я как раз ставил вопрос в самом начале о том, что хотелось бы сопоставить расслоение психологическое и потребительское, материальное.

Честно скажу, ответа на вопрос я не получил.
Сейчас тоже не рассчитываю получить.

Просто хотел попросить, если в дальнейшем, Вы будете работать по этой тематике, эту часть тоже раскрывайте, пожалуйста, этот разрез проблемы в той степени, в какой сможете.

Если хотите, можете ответить и прокомментировать сейчас.

Если нет – пойдем дальше.

Преснякова Л.А.: Я буквально одну короткую реплику.

На самом деле Вы поднимаете очень острую проблему про неравенство.

Я про нее практически не говорила, а Тимофей Александрович расскажет про нее как раз, может быть, в этом аспекте.

Но это одна из потенциальных мин замедленного действия.

Здесь я с Вами абсолютно согласна: стандарт предельного потребления, конечно, никуда не годится.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Хорошо, спасибо.

Сейчас слово Тимофею Александровичу для заключительного доклада.

А потом мы перейдем к общему обсуждению.

Кстати, коллеги-докладчики, я вас прошу к чату обратиться: там много интересных замечаний, вопросов, и даже некоторая полемика развернулась.

Поэтому, когда свое заключительное слово возьмете, прошу и на «чатовские» вопросы и реплики тоже отреагировать.

ДОКЛАД 3

НЕСТИК Т.А.

профессор РАН, д. п. н., к. филос. н., заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Спасибо, коллеги, еще раз за возможность обратиться к этой теме.

Я очень благодарен предыдущим нашим докладчикам за ту богатую оттенками картину, которая была нарисована.

В своем докладе я хотел бы сосредоточить внимание на тех психологических механизмах, которые лежат в основе динамики общественных настроений.

Мы, психологи, изучаем прежде всего личность, и в этой связи у нас немного другая математика.

Нас не столько интересуют соотношения процентов (и едва ли мы можем в силу нерепрезентативности наших выборок эти соотношения оценить), сколько интересуется сила связей, соответствие наших теоретических моделей эмпирическим данным, и, конечно же, нас интересуют психологические механизмы, объясняющие то, что мы наблюдаем.

Если говорить о психологическом состоянии общества, то можно воспользоваться метафорой «айсберга», вершиной которого является психоэмоциональное состояние.

Оно наиболее изменчивое, так что мы здесь всегда будем видеть ту «елочку», о которой Людмила Александровна говорила, в том числе и в силу амплификации различных тревог через межличностное обсуждение: в семьях, с близкими, с друзьями.

Разумеется, основанием для этих процессов являются социокогнитивные феномены, связанные с тем, как люди видят мир и как они представляют себе устройство общества.

Еще более глубокое основание нашего «айсберга», которое меняется медленнее, чем остальные, – это ценности и мотивационные феномены, которые лежат в том числе в основе наших представлений о будущем, наших идеалов, наших мечтаний, наших надежд.

При этом хотел бы подчеркнуть, что под психологическим состоянием общества мы понимаем совокупность как массовых, так и коллективных переживаний, представлений, ценностей, установок, которые влияют на функционирование социальных институтов.

Когда мы говорим о массовых состояниях, мы можем подразумевать под этим, например, распространенность симптоматики тревоги и депрессии, которые могут иметь на самом деле абсолютно эндогенный характер, могут быть связаны с какими-то событиями в личной жизни, а не общественной.

А вот коллективные переживания связаны прежде всего с групповой идентичностью, с оценкой ситуации в стране.

С точки зрения того, насколько психологическое состояние общества благоприятно для развития общества, важнейшим показателем для нас является благополучие в межличностных и межгрупповых отношениях.

Если смотреть на объективные показатели этого благополучия, то официальная статистика Росстата говорит о том, что они непрерывно улучшались: мы видим снижение кривой по числу убийств, самоубийств, психических расстройств.

С численностью разводов ситуация другая: здесь было большое количество отложенных разводов, связанных с периодом изоляции, с трудностями и стрессами, которые переживали семьи в 2020 году.

Но в целом ситуация как будто бы очень обнадеживает.

Проконсультировавшись со специалистами в области клинической психологии и стрессовых расстройств, я бы рекомендовал, конечно, относиться к этим данным с осторожностью.

Особенно к численности психических расстройств и, может быть, в меньшей степени, к числу самоубийств, поскольку это явление значительно труднее регистрировать и, кроме того, оно подпадает под сильнейший эффект стигматизации.

Обращу внимание на опрос, который провел ВЦИОМ в ноябре 2022 года.

Он показывает, что подавляющее большинство россиян никогда не обращались за психологической помощью, причем этих людей стало даже больше в прошлом году.

Особенно важен тот факт, что большинство из наших сограждан, 68%, предпочитают свое психологическое неблагополучие не обсуждать с другими людьми.

Это, с одной стороны, затрудняет получение эмоциональной поддержки от окружающих, усугубляя ситуацию.

А с другой стороны, затрудняет оценку этих эффектов, особенно в поквартирных и телефонных опросах.

Надо сказать, что перспективы диагностики психоэмоциональных состояний связаны с анализом цифровых следов, с использованием дистантной психофизиологической диагностики, примером которой могут быть камеры наблюдения во дворах или в метро, камеры, снимающие наши лица, – по экспрессии, конечно, очень много можно увидеть, по крайней мере в крупных городах.

Это будущее практически неизбежно.

Но оно сопряжено с конфликтом между нашей приватностью и общественным благом, что в свою очередь тоже становится одним из источников психологического неблагополучия.

В этой области нам предстоит договариваться о правилах, которые будут защищать граждан, а значит, уже сегодня нужны комплексные, междисциплинарные исследования по этой проблематике.

Если обратиться к опросным данным, то я хотел бы подчеркнуть, что в этом случае речь идет о симптоматике, а не о расстройствах.

Это, конечно же, не клинический диагноз, а это те оценки, которые можно сделать по самонаблюдениям наших респондентов.

Причем мы, конечно, не спрашивали их о том, испытывают ли они депрессию.

Мы использовали специальную шкалу PHQ-4, которая в массовых опросах используется во многих странах мира, и там речь идет именно о симптомах.

Мы видим, что действительно психологическое неблагополучие очень выражено.

По данным февральского опроса, который был проведен Институтом психологии РАН совместно с ВЦИОМ, 38% наших соотечественников отмечают у себя симптоматику клинической депрессии, то есть глубокой депрессии, и 23% переживают симптомы неконтролируемой тревоги.

Мы видели два всплеска этих симптомов, которые пришлось на начало марта 2022 года и на события, связанные с частичной военной мобилизацией (будем надеяться, что она будет единственной).

По своей выраженности эти всплески были выше, чем подъем тревожно-депрессивной симптоматики в начале 2020 года, когда разразилась пандемия.

Хотел бы отметить, что наиболее подверженными депрессивным и тревожным состояниям – и во время пандемии, и в нынешних условиях – оказались представители молодежи.

Здесь важно не путать психологическое благополучие с ожиданиями, поскольку оптимизм в отношении будущего может носить компенсаторный характер, мы об этом еще поговорим.

Кроме того, такие состояния во всем мире более характерны для женщин, чем для мужчин, для респондентов с низким уровнем доходов – об этом мои коллеги уже говорили.

В 2022 году это было очень тесно связано с отношением к СВО, с наличием или отсутствием высшего образования, и, конечно, эта симптоматика была более выражена у работников частного сектора.

Говоря о том, как эти состояния могут быть связаны с экономической ситуацией и отражаться на экономическом поведении, хотел бы подчеркнуть, что международные исследования показывают, что все экономические кризисы влияют на психологическое благополучие, вызывая тревожно-депрессивные расстройства и суицидальные мысли.

Уровень доходов и наличие сбережений могут, конечно, смягчать негативное влияние кризиса на психологическое благополучие.

Но при этом надо понимать, что, как правило, растет социальное неравенство.

А оно, напротив, усиливает эти эффекты за счет фрустрирующего социального сравнения и снижения межличностного доверия.

Сами по себе негативные психоэмоциональные состояния также могут влиять на экономическое и репродуктивное поведение.

Например, известно, что депрессия снижает уровень притязаний и **ПОВЫШАЕТ** готовность соглашаться на несправедливые условия при принятии экономических решений.

Она снижает избирательность потребителей в покупках, например, в продуктовых магазинах.

Также и зарубежные исследования, и наши данные показали в декабре 2022 года, что депрессия снижает готовность к рождению детей.

Некоторые социальные группы особенно чувствительны к происходящему в стране, особенно лабильны,

как сказали бы клинические психологи, и одной из них является интеллигенция.

Приведу данные опроса, который мы проводили при поддержке Росатома среди российских ученых в самом начале октября.

Старт опроса пришелся на объявление военной мобилизации, поэтому, конечно, мы здесь видим некоторое смещение в оценках, но оно тоже очень интересно.

Обратите внимание: каждый второй представитель социальных наук отмечал у себя в этот момент симптомы клинической депрессии.

В опросе приняло участие больше 4 тысяч респондентов – это авторы статей в научных изданиях, индексируемых Web of Science, которые были опубликованы за последние пять лет.

Даже оценивая горизонт в десять лет, лишь 46% наших респондентов оценивали будущее российской науки как светлое или очень светлое.

Так что, конечно, некоторые социальные группы будут подвержены этим негативным психологическим эффектам в большей степени, чем другие, в том числе и в силу наличия соответствующих знаний, например, о том, как устроена экономика, а также в силу специфики тех источников информации, которыми они пользуются.

Оценивать психологическое состояние общества можно не только по самоотчетам, но и по наблюдениям респондентов за окружающими людьми.

В опросе, который мы проводили совсем недавно, в феврале 2023 года, видно, что подавляющее

большинство отмечает, что окружающие их люди с момента начала специальной военной операции стали чаще испытывать печаль, страх, сострадание и гнев.

На самом деле надежда, гордость, энтузиазм и радость тоже выросли, этого нельзя отрицать, и это очень важно для понимания происходящего.

Но позитивных оценок значительно меньше.

Есть еще и обстоятельства, которые затрудняют получение психологической поддержки в обществах с высоким уровнем социального неравенства.

В нашем обществе довольно высокие показатели социального цинизма, особенно в старших возрастных группах, 45+.

Мы видим это по довольно большому поквартирному опросу, в котором участвовали 6 тысяч респондентов.

В целом, даже когда мы говорим о молодых россиянах, социальный цинизм значительно выше средних оценок, высокие показатели по всем возрастным когортам.

Более того, наше лонгитюдное исследование, которое позволило сопоставить оценки одних и тех же людей в апреле 2021 года и в августе 2022 года, показывает, что социальный цинизм статистически значимо вырос.

Полтерович В.М.: Поясните, пожалуйста, как измеряется социальный цинизм?

Нестик Т.А.: Это целая батарея вопросов.

Мы использовали опросник социальных аксиом М. Бонда и К. Леунга.

Он широко применяется в кросс-культурных исследованиях и как раз позволяет заглянуть в среднюю часть «айсберга» – в то, как люди видят мир и свое общество.

Одним из ключевых показателей социального цинизма является убеждение в том, что занятие общественными делами приносит только проблемы и на помощь государства рядовым гражданам нельзя полагаться в трудной ситуации.

А второй показатель – это уверенность в том, что богатые будут становиться еще богаче и безразличнее к нуждам других, а бедные будут становиться еще беднее.

Известно, что социальный цинизм отрицательно связан с уровнем ВВП на душу населения, со стремлением к достижениям, с удовлетворенностью работой и жизнью в целом.

Конечно, эти результаты кросс-культурных исследований, я думаю, могут вполне относиться и к нам.

Причем в этой связи это хорошо, кстати, соотносится с любопытным наблюдением.

Мы сейчас говорили применительно к докладу Людмилы Александровны о том, как показатели по России согласуются с данными в других странах.

Лонгитюд психоэмоционального состояния – очень большое панельное исследование, на 60 тысяч респондентов – ведется с начала 2020 года и в США.

Там эти данные, кстати, открыты, их можно посмотреть.

Замеры проходят каждую неделю, это стоит огромных денег, но они это делают.

По сравнению с США, в России стабильно выше депрессия.

У них все наоборот: у них стабильно выше тревога.

По-видимому, у нас в России это может объясняться более низкими показателями веры людей в то, что они могут влиять на ситуацию в стране.

По данным коллег, Денис меня поправит, в это верят около 30%, но, если мы говорим о политических решениях, это порядка 11%, и эта цифра не меняется уже довольно давно.

Это переживание неспособности повлиять на ситуацию, конечно, не может не влиять на выраженность депрессии.

А будучи сопряженным еще и с социальным цинизмом, существенно обостряет психологическое неблагополучие.

Мы сейчас переживаем целый каскад таких коморбидных, как Михаил Вениаминович сказал бы, кризисов.

И, как в любом кризисе, мы наблюдаем, конечно, разнонаправленные эффекты.

Какие-то из них позитивны, какие-то вызывают у нас как экспертов озабоченность.

С одной стороны, мы видим снижение враждебности.

Причем оно было уже во время пандемии, начиная с 2020 года.

По данным нашего лонгитюдного исследования, выросла гражданская идентичность, сила идентификации себя с Россией и с россиянами.

Но, по данным этого же исследования, доверие к людям в целом осталось таким же низким, каким оно было.

Более того, мы наблюдали, уже по данным другого лонгитюда, существенный рост поляризации в оценках отношений к СВО.

То есть те, кто изначально были противниками, стали еще большими противниками.

Те, кто поддерживали, еще больше утвердились в том, что все было правильно сделано.

По крайней мере это на май прошлого года, потому что некоторые коррективы внесла мобилизация.

И конечно, мы наблюдаем рост аффективной политической поляризации.

То есть, по сравнению с началом 2022 года, наши респонденты стали более нетерпимы к людям с противоположными взглядами, особенно в старших возрастных группах.

Гарегин Ашотович в своем вступительном слове говорил о том, что ситуация нестабильности охватила весь мир.

И действительно, на психоэмоциональное состояние россиян нужно смотреть в долгосрочной перспективе и с учетом глобального контекста.

Большие возможности здесь открывает анализ текстов.

Это корпусные лингвистические исследования, которые стали особенно бурно развиваться в последние 10 лет.

Одним из корпусов, которые наиболее часто используются, является Google Ngram – миллионы русскоязычных, англоязычных, испаноязычных, немецкоязычных текстов.

Одно из исследований показало, что в середине 1970-х произошел перелом, начался резкий рост выраженности лингвистических маркеров депрессии и когнитивных искажений, которые поддерживают поляризацию и пессимизм.

Этому на самом деле нет однозначного объяснения.

Но одно из наиболее частых – это снижение уровня доверия к социальным институтам.

А мы это действительно видим.

И по данным Edelman Trust Barometer, в том числе по свежим, 2023 года, данным, видно, что коллапс доверия к государству, СМИ и некоммерческим организациям в мире действительно продолжается.

С другой стороны, еще одно объяснение состоит в том, что именно в середине 1970-х годов вознаграждение труда оторвалось от его производительности.

По существу, нарастал кризис того послевоенного общественного договора, который предполагал непрерывный рост благосостояния, гарантированный государствами своим гражданам.

И конечно, социальные сети за счет роста аффективной поляризации эти эффекты подстегнули.

Я имею в виду негативное влияние воспринимаемого социального неравенства на оценки людьми своего благополучия.

Мы видим похожие эффекты и в России.

Это совсем свежие данные анализа русскоязычных книжных текстов, мы их еще не опубликовали.

Видно, что на протяжении последних десятилетий в России – если не считать всплеска, который последовал за присоединением Крыма, – переживание радости снижалось, а переживания страха и грусти усиливались.

Конечно, пандемия еще больше подстегнула эти переживания в связи с тем, что это один из тех глобальных рисков, которые трудно контролировать, которые очень сильно бьют по нашей уверенности в способности влиять на ситуацию, в том числе на свое будущее.

И здесь метаанализ эмпирических исследований показывает, что как раз Россия, США, Украина относятся к тем странам, где рост тревожно-депрессивных расстройств был особенно существенным.

Такого рода угрозы, то есть утрата контроля и переживание тревоги, а также напоминание о смерти, которое раньше мы слышали по поводу пандемии, а сейчас слышим в связи с другими обстоятельствами, влияют на выраженность целого ряда психологических защит.

Я особенно подчеркну сдвиг в авторитарных установках, приверженность традиционным для своей группы ценностям.

Причем, еще раз подчеркну, не вообще традиционным, а именно для своей группы.

То есть либералы становятся еще более либеральными, а консерваторы – еще более консервативными.

Еще один эффект переживания трудноконтролируемой угрозы – противопоставление своей группы другим и более жесткая оценка поведения представителей своей и чужих групп и, конечно, связанные с этим эффекты дегуманизации.

Для меня особенно загадочным, волнующим является произошедший на наших глазах переход от заботы о сохранении жизни в период борьбы с пандемией к бросанию жизней в топку войны, которое мы наблюдаем в связи с разразившимся геополитическим конфликтом.

И по-видимому, пандемия подготовила нас к этим испытаниям, сделав более жизнеспособными, жизнестойкими.

Но одновременно она же послужила одной из тех сил, которые спровоцировали соскальзывание мира в этот геополитический конфликт.

Спровоцированы были все стороны противостояния.

Я обращаю внимание здесь на эффекты переживания стресса и тревоги, ощущение потери контроля и напоминание о смерти.

Не будем забывать и о милитаристских метафорах, которые использовались политиками в борьбе с пандемией, о росте авторитарных установок, который мы наблюдали во время борьбы с ковидом, а также о росте ценностей безопасности и усилении консервативных моральных оснований, я имею в виду прежде всего лояльность к своей группе.

Все это, конечно, не могло не повлиять на всех участников конфликта.

При этом наше общество столкнулось не только с военными угрозами, но и с экономическими.

И санкции стали восприниматься как объявление войны, как военная агрессия – на этот раз против рядовых россиян, а не против элит.

Как видим по путевой модели, которую я здесь представил, воспринимаемая угроза со стороны стран Запада усиливала представление о санкциях как о военной агрессии, тем самым повышала и гражданскую идентификацию, и эффекты гиперидентичности.

Кроме того, это сказывалось на коллективном ре-сентименте, на том, что в социальной психологии часто называют коллективным нарциссизмом, то есть на переживании обиды в связи с недооцененностью России в мире.

Эти эффекты важно учитывать, объясняя в том числе динамику экономических ожиданий.

Если присмотреться к данным лонгитюдных исследований, то видим, что в начале марта 2022 года прошел сильнейший всплеск тревожно-депрессивной симптоматики, который сопровождался ростом тех эффектов, которые в целом принято называть «сплочением вокруг флага».

То есть это рост политического доверия, вера в справедливое устройство российского общества, усиление идентификации себя со страной.

Причем не только любви к своей Родине, но и того, что иногда называют гиперидентичностью, или ложным патриотизмом в традиции Теодора Адорно.

«Сплочение вокруг флага» перед лицом внешней угрозы – универсальный феномен, его наблюдали во многих странах.

И конечно, в этой связи мы наблюдаем и отчуждение моральной ответственности.

Оно оказалось очень сильно связанным с этим эффектом.

Я имею в виду и атрибуцию вины, и дегуманизацию, и искажение последствий, и различные феминистические ярлыки, и выгодные сравнения, которые используются при объяснении происходящего.

Здесь есть своя динамика, и, как мы видим, мобилизация на это тоже повлияла.

При этом не может не радовать то, что для абсолютного большинства, причем как по лонгитюдным данным, так и по репрезентативным опросам, характерно переживание сострадания в связи со специальной военной операцией.

Это, на мой взгляд, может быть основанием для консолидации общества в будущем.

Мы видим, что эффект «сплочения вокруг флага» вносит очень существенный вклад в эмоциональное благополучие.

То есть парадокс в том, что он является своего рода защитным механизмом, который срабатывает при переживании утраты контроля, при переживании внешней угрозы.

Он очень существенный вклад дает в социальный оптимизм и во все компоненты психологического здоровья.

Отсюда понятно, почему по данным и лонгитюдного исследования, и репрезентативных поквартирных опросов мы наблюдаем рост социального оптимизма.

Субъективное счастье снизилось, а позитивная оценка будущего нашей страны существенно выросла.

Яков Моисеевич уже отметил, что такого рода экономические ожидания не вполне рациональны.

Конечно же, я полностью здесь соглашаюсь с Людмилой Александровной в том, что эта ограниченная рациональность имеет свои психологические основания.

Во-первых, к индивидуальным защитным механизмам я бы отнес совладание через стратегию позитивного переосмысления.

Особенно это было выражено в первые месяцы, и в наибольшей степени, конечно, у тех, кто поддерживал СВО.

Кроме того, есть данные о том, что неоправдавшиеся катастрофические ожидания сменяются сверхоптимизмом.

Работает еще и универсальный механизм дисконтирования будущего: мы недооцениваем отдаленные риски больше, чем риски сегодняшние.

Наконец, это мощный всплеск так называемых «позитивных иллюзий».

В психологии под этим понимается переоценка людьми своих деловых качеств, способности контролировать ситуацию, своей неуязвимости для рисков, причем она особенно вероятна в условиях неопределенности.

Конечно же, говоря о тех людях, которые высоко оценивают свои доходы, нельзя забывать и о психологических механизмах защиты своей идентичности, в данном случае экономической.

Происходит она через снижение уровня притязаний и через понижающее социальное сравнение – сравнение с

теми, кому хуже, а не с теми, кому лучше. По крайней мере пока.

И конечно, есть более глубокие неосознаваемые механизмы, такие как эмоциональная контррегуляция.

Суть ее состоит в том, что при переживании длительной угрозы мы становимся более чувствительными к позитивным новостям.

Я уж не говорю о тех пяти кризисах, которые подготовили нас к этим событиям.

Конечно, мы приручаем эти новые угрозы через поиск аналогий с уже пережитым, чтобы убедить себя, что и здесь мы справимся.

Но есть и групповые защитные механизмы, и здесь я хотел бы подчеркнуть зависимость восприятия экономических новостей от политических установок и эффект «сплочения вокруг флага», о котором я уже говорил.

Все это позволяет понять, почему к февралю 2023 года, по данным Фонда «Общественное мнение», индекс ожиданий потребителей оказался самым высоким за последние 5 лет, по существу, обновив максимум с мая 2018 года.

По данным нашего опроса, больше половины респондентов в августе 2022 года согласились с тем, что экономические санкции сделают Россию еще сильнее.

Путевая модель, которую мы построили на данных декабря, это хорошо подтверждает: мы видим, что наибольший вклад в отношение к санкциям как к

возможности стать для нашей страны сильнее вносят политическое доверие и лояльность к своей группе.

По-видимому, это действительно компенсаторный механизм, который восполняет чувство утраты контроля, тем самым поддерживая экономические ожидания, прежде всего ожидание того, что следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем.

Завершая свой доклад, я хотел бы отметить, что в целом исследования психологического благополучия личности в условиях глобальных рисков показывают, что ключевыми его основаниями являются два фактора.

Во-первых, групповая идентификация, доверие и просоциальные установки.

Во-вторых, убеждение в том, что мы можем влиять не только на свое настоящее, но и на будущее.

При этом, если мы говорим не о личности, а о крупных социальных группах, то сюда следует добавить позитивный социальный капитал, позволяющий преодолевать границы между социальными группами, – использовать «слабые связи», говоря языком Марка Грановеттера.

И конечно же, групповая рефлексивность.

С этим в таком поляризованном обществе, как наше, особенно сложно.

Вместе с тем исследования историков, на которые я ссылаюсь, проведенные на материале стран и цивилизаций, переживших кризисы, показывают, что именно саморефлексия, признание проблем и избирательность в изменениях служат залогом успеха в таких сложных геополитических ситуациях.

Я не могу не сказать и о некоторых рекомендациях.

Я подчеркнул бы, что сейчас важно не ронять рубль, сдерживать рост цен и безработицу, продолжать поддержку незащищенных социальных групп.

И конечно, очень важно предотвратить риск завышенных ожиданий, о котором уже говорила Людмила Александровна.

Для этого нужно гораздо более дифференцированно освещать экономические процессы в стране.

При этом ключом к поддержке собственного социального оптимизма (самоэффективности, как это называют психологи) может быть повышение уверенности наших сограждан в том, что мы можем влиять на ситуацию в стране, на собственное будущее, на будущее группы, двора, города, если не страны.

И в этом смысле, конечно, предстоящие выборы имеют очень важное значение – важно сделать их максимально легитимными.

Отдельно скажу о том, что нужно снижать поляризацию в нашем обществе, преодолевая ожесточение и нетерпимость к людям противоположных взглядов.

Уже сегодня нужно инвестировать в способность общества – прежде всего в способность наших младших поколений – договариваться о будущем.

Не только в вузах, но и в школах нужно вводить курсы по навыкам разрешения конфликтов, поддерживать ценности эмоциональной поддержки, обучать оказанию психологической помощи.

И конечно, нужно готовиться к волне посттравматических стрессовых расстройств.

Не хочется говорить про суициды, но они тоже будут.

Опыт предшествующих войн об этом говорит абсолютно определенно.

Здесь, конечно, многие вспомнят про наших соотечественников, которые сейчас на фронте.

Посттравматические стрессовые расстройства наиболее вероятны даже не среди тех, кто был ранен и получил психологическую помощь в госпитале, а вероятны среди тех, кто просто вернулся наконец в свой город, в свое село.

И сейчас очень важно обратить внимание на психологическое благополучие семей, в которых эти люди находятся, в которых им нужно будет заново выстраивать отношения.

Конечно, есть вторичные жертвы.

Так бывает всегда.

Это те люди, которые не подвергаются бомбежкам и не участвуют в боевых действиях, но читают, смотрят и слушают новости об этом.

Я уже не говорю о тех, кто пострадал прямо или косвенно от экономического кризиса.

Здесь, конечно, очень важна масштабная, общенациональная система психологической поддержки, в том числе с использованием автоматизированной диагностики и дистантных форм психологического консультирования.

Коллеги, спасибо большое.

Я готов ответить на вопросы.

И *акад. УГРЮМОВ М.В. – проф. РАН НЕСТИК Т.А.*

Угрюмов М.В.: Тимофей Александрович, хочу начать с Ваших рекомендаций.

Я смотрю телевизор перед сном каждый день, и там часто выступает Путин.

Он говорит о том, что все эти рекомендации выполняются.

Вопрос не в том, как называть эти рекомендации, а вопрос в том, к какому результату они приводят.

Например, стипендия аспиранта в Академии наук 8 500 рублей.

Завтра по Вашей рекомендации сделают 10 000 рублей.

А в Западной Европе стипендия – это тысяча-полторы тысячи евро.

Поэтому эти рекомендации в том виде, в котором они есть и в котором они реализуются, как мне кажется, не приводят ни к какому серьезному результату.

Ваше мнение на этот счет?

Второй вопрос.

Вы говорили о нарушении психического здоровья у людей разного возраста: молодые люди, пожилые люди и так далее.

Вы не сказали о том, что происходит, может быть, в самой небольшой группе, но, может быть, в самой важной – дети в возрасте от 3 до 10 лет.

Почему я выделяю эту группу?

Потому что именно в это время происходит развитие мозга под влиянием внешних факторов среды.

Это могут быть физические факторы, но в том числе и социальные – социально-психологические факторы.

Их влияние на развитие мозга необратимо.

Если в это время происходит нарушение психического здоровья, то последствия сохранятся на всю оставшуюся жизнь, никакой коррекции быть не может.

Теперь, с учетом того, что современные дети получают огромный объем информации из гаджетов, но не способны ее переработать, происходят «психологические сшибки».

Я это по своим внукам знаю.

Самое главное, что дети – это будущее нашего общества.

На этой возрастной категории Вы не остановились.

Проводятся такие исследования или нет?

Если нет, я очень сожалею.

Спасибо.

Нестик Т.А.: Спасибо, Михаил Вениаминович.

Да, говоря о мерах, я хотел бы согласиться, что такие меры всегда будут недостаточными.

Здесь, конечно, очень многое будет зависеть от возможностей для социального сравнения.

Конечно, механизмы понижающего социального сравнения будут действовать не бесконечно, и основная тяжесть предстоящих лет будет связана именно с тем, что проблема социального неравенства будет становиться все более актуальной.

Это будет фактором снижения психологического благополучия.

Если говорить о детях, то такие исследования, конечно, проводятся.

Я просто не мог в докладе осветить эту тему, нам бы времени не хватило.

Но тема действительно очень важна.

Я думаю, что на какой-то из «Рабочих завтраков» Гарегин Ашотович пригласит психологов, которые занимаются именно психологическим благополучием детей, – прежде всего, конечно, из Института психологии РАН и Психологического института Российской академии образования.

Во многих российских университетах такие исследования тоже проводятся сегодня.

Конечно же, есть данные, которые позволяют уверенно говорить, что после крупных – например, природных – катастроф дети страдают от посттравматических стрессовых расстройств чаще, чем взрослые.

Здесь, безусловно, нам еще предстоит очень много работать.

Это не говоря уже о том, что на протяжении последних 20 лет мы видим рост выраженности депрессий, особенно у подростков.

Многие в последние годы называют это пандемией депрессии в подростковой среде.

Об этом свидетельствуют международные исследования, в том числе данные и по Европе, и по США.

I проф. МИРКИН Я.М. – проф. РАН НЕСТИК Т.А.

Миркин Я.М.: У меня краткие вопросы.

Первый вопрос.

Депрессия и неконтролируемая тревога – это пересекающиеся множества или дополняющие друг друга параллельно?

Второй вопрос.

Термин «депрессия» в каком смысле употреблен?
В медицинском, в клиническом?

Значит ли это, что больше чем 50% ученых из социальных наук нужно обратиться к психологу или к врачу?

Третий вопрос.

Проводились ли подобные исследования в группе элиты?

В группе 5–7% нашего общества, которая определяет решения.

Четвертое.

Можно ли использовать данные презентации в открытых обсуждениях?

Нестик Т.А.: Яков Моисеевич, спасибо большое за вопросы.

Действительно, хотя я не являюсь клиническим психологом, – наверное, мои коллеги ответили бы более исчерпывающе, – но известно, что более чем в 50% случаев тревожные и депрессивные расстройства сочетаются.

Их потому и называют тревожно-депрессивными.

В наших исследованиях мы опирались на самоотчеты респондентов.

Еще раз подчеркну: это не диагноз, это именно симптоматика.

Это оценка частоты проявления, например, ощущения того, что не хочется ничего делать, когда ежедневные дела не доставляют удовольствия, охватывает плохое настроение, подавленность или чувство безысходности; мы испытываем нервозность, беспокойство или ощущения на грани срыва – мы не способны успокоиться сами и контролировать свое волнение.

Да, такого рода симптоматика, конечно, не является диагнозом.

Но среди ученых это оказалось очень выраженным.

Еще раз подчеркну, что мы опрос проводили буквально в момент начала мобилизации. Это контекст, который, безусловно, повлиял на ответы.

Говоря о возможности использовать эти данные, я, как и коллеги, конечно же, считаю, что это должно быть доступно, по крайней мере исследователям.

Хотелось бы надеяться на то, что те данные, которыми мы сегодня обменялись, помогут выработать решения, которые действительно сделают наше общество более жизнестойким, а страну сильнее.

Полтерович В.М.: Спасибо за доклад.
У меня несколько вопросов.

Первый вопрос.

Мне показалось, что Вы без каких-то оговорок используете одновременно психологические индикаторы и индикаторы гражданского общества.

Скажем, если речь идет об обобщенном доверии (*generalized trust*), то это типичный показатель, который используется довольно широко как показатель гражданского общества.

Его можно найти для разных стран в базе данных *World Values Survey*, и там, в частности, Россия присутствует и занимает отнюдь не первые места.

Если речь идет об альтруизме, различают разные аспекты альтруизма, например, как он выражается в действиях и каким образом он выражается в намерениях.

Вас не смущает смешение психологических индикаторов и индикаторов гражданского общества?

Второй вопрос касается сравнения России с другими странами.

Сравнить Россию с Соединенными Штатами, мне кажется, недостаточно.

Есть страны, гораздо более близкие по уровню развития к России, и есть страны, которые значительно опережают по институциональным индикаторам Соединенные Штаты, – нордические страны, Финляндия и Швейцария.

Нет ли возможности провести сравнения с разными странами?

В частности, поляризация общества – очень важный вопрос.

Является ли сейчас поляризация общей тенденцией, или она в большей степени характерна для России?

Если взять поляризацию в Соединенных Штатах, кажется, что там она уже на пределе, выше трудно себе представить.

Мне кажется, что Ваш призыв к снижению поляризации очень правильный, очень точный.

Но возникает вопрос: за счет чего мы можем это сделать, каким способом?

Например, простейший способ – это взять и одну сторону закрыть в темный ящик, и все.

И мы таким образом проблему решили?

И последний вопрос.

Мне кажется, что Вы косвенно обратили внимание на то, что у нас психологическая служба находится на низком уровне.

У нас мало психологов, к которым люди обращались бы, по сравнению с западными странами.

И в этом направлении надо тоже предпринимать какие-то действия.

Притом, это же разнообразные психологические службы: есть семейные психологи, есть психологи других направлений.

Правильно ли, что здесь нужно предпринимать какие-либо специальные усилия?

Спасибо большое.

Нестик Т.А.: Виктор Меерович, спасибо большое за то, что обратили внимание на генерализованное доверие.

Для нас, социальных психологов, при оценке психологического состояния общества это один из важнейших показателей.

Он очень существенно влияет на психоэмоциональное состояние.

И в экспериментах, и в лонгитюдных исследованиях, и в крупных международных психологических исследованиях, которые проводились в десятках стран, было показано, что доверие к незнакомым людям или к людям вообще вносит очень существенный вклад в жизнеспособность личности в условиях экономического кризиса и крупных катастроф.

В нашей стране, к сожалению, как мы с Вами знаем, этот показатель стабильно низкий – на уровне 27–30%.

К сожалению, ситуация, как мы видим по нашим лонгитюдным данным, в 2022–2023 годах не изменилась.

Если говорить о сопоставлении с другими странами, то здесь, тем более учитывая Ваш замечательный, интереснейший доклад, слушателями которого мы все были в январе этого года, хотелось бы сопоставить динамику депрессии и тревоги в России с нордическими странами.

Но таких открытых данных, настолько полных и настолько гранулярных, как говорят математики, по времени у нас под рукой нет.

По крайней мере я в открытом доступе их не нашел.

Есть некоторые исследования по отдельным показателям, которые не являются мониторинговыми.

Но в целом самооффективность, то есть уверенность людей в том, что они могут влиять на коллективное будущее, наиболее высока именно в Швеции, по данным «Pew Research».

Там 65% убеждены, что политическая система позволяет им влиять на решения, принимаемые в стране.

В США, например, этот показатель на уровне 27%, и высокий уровень поляризации в США с этим тесно связан.

Есть целый ряд исследований, которые показывают, что рост социального неравенства неминуемо влечет за собой поляризацию в самых разных сферах.

Сдерживать ее я бы начал просто с прекращения работы некоторых ток-шоу, которые совершенно очевидным образом являются образцами «телененавидения».

Судя по нашим опросам, в том числе репрезентативным опросам, которые мы проводим совместно с ВЦИОМ, большинство наших соотечественников с этой позицией согласны: ток-шоу, пропагандирующие ненависть, должны быть сняты с эфира.

Понятно, что это очень непростое решение.

В борьбе с поляризацией мы можем ожидать самых разных шагов, в том числе и тех, о которых вы, Виктор Меерович, говорите, учитывая радикализацию части элит, неизбежную в условиях внешней угрозы.

В этой связи особое внимание, на мой взгляд, нужно уделить будущему.

Если мы не можем повлиять на ситуацию сейчас, нужно инвестировать в способность общества преодолевать поляризацию и договариваться на уровне школы, вуза, то есть поддерживать наши младшие поколения.

Конечно, для этого нужны квалифицированные психологи.

Я надеюсь, что принятие закона о психологической помощи, который выстрадан психологическим сообществом, все-таки состоится.

Надо признать, что проекты этого закона существуют в разных версиях и вызывают много дискуссий.

Безусловно, избыточное регулирование в этой области может привести к противоположным результатам.

Но все-таки наличие этого закона лучше, чем его отсутствие.

Действительно, в кризисные периоды растет число людей, которые заявляют о себе как о психологах, но не обладают соответствующей квалификацией.

Поэтому принятие такого закона, подталкивающего к получению полноценного психологического образования, необходимо

УШАКОВ Д.В.

акад. РАН, д. п. н., директор Института психологии РАН

Сегодня в нашей очень интересной, многосторонней дискуссии два важных момента, с моей точки зрения.

Первый момент – это то, что у нас происходит в стране, что мы должны ожидать и что нам нужно делать.

Второй – какие у нас есть научные инструменты для того, чтобы понимать, что происходит; насколько вообще сейчас наука готова к тому, чтобы со всем этим работать.

Я думаю, что мы подходим к такому моменту в истории, когда начинаем с обществом работать, исходя из измерений, причем как опросных, так и другого рода, в том числе с использованием больших данных.

Мы подходим к моменту, когда решения относительно общества могут все больше приниматься научно и с учетом реально полученных данных о его состоянии, измерений.

Мне очень понравились сегодняшние доклады.

Но я сожалею, например, что Тимофей Александрович не упомянул Андрея Владиславовича Юревича, члена-корреспондента нашей академии.

Андрей Владиславович предложил тот самый термин «макропсихология», который позволяет всю эту область обозначить.

Перед нами стоит принципиальная задача – это задача понимания причинных связей.

Сегодня мы обсуждали, наверное, около сотни переменных, касающихся общества: доверие к власти, оптимизм, поляризация, идентификация.

Множество всего.

Как эти переменные связаны между собой?

Яков Моисеевич задавал вопрос: убеждения и экономические ожидания – они рациональны или не рациональны?

Конечно, не рациональны!

Но чем они детерминированы?

Нам важно понять, чем эти переменные детерминированы, чтобы представить, что с обществом произойдет.

И что сделать, чтобы произошло что-то хорошее.

Виктор Меерович призвал строить множественные регрессии.

Это важная идея, чтобы понять связи между этими переменными, которые очень сложны.

Есть и другие способы описания связей между переменными.

Понимание причинных связей – это ключ к прогнозированию.

Располагаем ли мы сегодня знанием о связи социально-психологических переменных, чтобы прогнозировать?

Это принципиально важный вопрос, вопрос моделирования причинности, в которое упирается прогнозирование.

Без этого у нас пока получается ситуация, как если бы мы, например, погоду описывали, но не прогнозировали.

У нас есть показатели: солнце, допустим, в Москве, солнце – в Шатуре, еще где-то, температура такая, влажность такая. А нам нужно перейти на уровень понимания циклонов и антициклонов – тогда мы сможем прогнозировать и увидим, за счет чего происходят изменения.

Ценность Гидрометцентра в том, что он может погоду предсказывать, а не просто описывать.

В социальных науках – то же самое: нам надо от описания переходить к предсказанию.

Подходы к этому есть.

И я надеюсь, что в ближайшие 5–10 лет мы перейдем на принципиально новый уровень.

Погоду мы можем предсказывать, но влияем на нее мало, хотя и влияем, на 9 мая, или обсуждаем, например, методы воздействия на глобальное потепление.

Но психологическое состояние общества и вообще состояние общества связано с действиями, которых мы можем ожидать от людей.

Например, когда у нас были выборы Ельцина в 1996 году, популярность его была в начале года 6%, а потом мы знаем, что произошло.

Понятно, что там были разные вещи, манипуляции.

Однако факт, что прогноз без учета направленных политтехнологических действий ни о чем не говорит.

Была популярность 6%, обоснованная всем, что до этого произошло в стране.

Если бы не проводилась специальная кампания с использованием административных рычагов, то прогноз состоял бы в смене власти.

Но кампания все перевернула.

Вопрос поэтому в том, как все измеряемые показатели определяют поведение людей в случае тех или других действий или событий.

В частности, Тимофей Александрович приводил пример связи депрессивного состояния с избирательностью покупок.

Здесь нам важно уметь прогнозировать не только то, как изменится психологическое состояние, но и то, как люди при том психологическом состоянии, которое мы точно измерили, будут реагировать на то или иное событие, то или иное действие властей, и не только властей.

Вернемся к аналогии с погодой.

Представим, что мы получаем возможность все больше влиять на атмосферные процессы.

Тогда в пределе предсказание потеряет смысл, и мы просто перейдем к решению задач по достижению тех или иных климатических целей.

Но интересно состояние посередине: когда степень влияния ограничена и действие может достичь результата, зависящего от состояния системы.

Для отдельного гражданина процессы в обществе происходят столь же неотвратимо, как и в атмосфере.

Но есть субъекты власти – государства, и не только, – которые обладают возможностями влиять, пока, к счастью, ограниченно.

Наука должна описывать все это.

Ключ здесь опять же – понимание причинно-следственных отношений.

Это вторая чрезвычайно важная для изучения вещь.

Я думаю, что мы должны здесь объединить усилия по крайней мере трех специальностей: психологов, социологов и экономистов.

Если мы достигнем в этом отношении прогресса, то сможем, конечно, на принципиально новой основе строить механизмы управления обществом.

Хотя вопрос, к добру это или ко злу – это уже особый вопрос.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, я хочу обратить внимание, что у нас было в пике более 100 участников.

Сейчас остается 80, хотя мы уже четвертый час работаем.

Тем не менее приближаемся к завершению.

Сейчас я Михаила Вениаминовича попрошу взять слово, он поднял руку.

И обратите внимание на бурную полемику, которая в чате развернулась.

УГРЮМОВ М.В.

акад. РАН

В порядке обсуждения мне хотелось бы высказать некоторые общие соображения.

Здесь поднималось много важных и интересных вопросов: какое соотношение между социально ориентированным государством – например, скандинавским – и нашим государством, и так далее.

Мне кажется, что нужно создать универсальную модель государства как организма и далее анализировать, какие возможны модификации этой модели.

Хотя я занимаюсь в основном биологией, но считаю, что есть универсальная модель функционирования живого и социального организма.

Это некая кибернетическая многоуровневая система, в которой все уровни функционально связаны между собой прямыми и обратными связями.

Каждый организм, живой и социальный, выполняет две основные функции.

Во-первых, это воспроизводство организма.

Во-вторых, адаптация к изменениям внешних условий.

В случае государства и общества это социальные, экономические и политические условия.

При этом существует два вида регуляции: регуляция по принципу прямых связей и регуляция по принципу обратных связей, влияющих на источник прямых связей.

Хорошо выраженные обратные связи – характерная черта парламентской республики, то есть социально ориентированного государства.

Такое устройство можно наблюдать в ряде западно-европейских стран, в первую очередь в скандинавских странах и во Франции.

В последнее время мы наблюдаем проявление обратных связей во Франции в виде уличных манифестаций, направленных против закона о реформе пенсионной системы.

Макрон, даже если сохранит этот закон, войдет в историю со знаком «минус», причем рано или поздно закон все равно будет отменен или смягчен.

Доминирование прямых связей в регуляции государства и общества приводит к формированию президентской республики, а в крайнем варианте – к диктатуре.

Руководители государств, за исключением таких выдающихся политиков, как, например, Рузвельт, де Голль, стараются укрепить свою власть.

Для этого используют как минимум два инструмента.

Первое – делается все возможное, чтобы основная масса людей не понимала системно, что происходит в стране.

Это достигается прежде всего количественным и качественным снижением уровня образования, в частности, введением платного образования и изучением узко профессиональных вопросов, что не позволяет увидеть общую картину окружающего мира.

В нашей стране в качестве примера такой тенденции можно привести сокращение общеобразовательных программ по телевидению.

Лет 10–15 назад у нас была программа «Академия» по телеканалу «Культура», где выступали выдающиеся ученые в разных аспектах.

На очень простом и доступном языке они преподносили знания по социологии, экономике, физике, биологии и другим дисциплинам.

Выступали такие известные ученые, как Жорес Иванович Алферов, нобелевский лауреат, и другие.

Это способствовало повышению общего образовательного и культурного уровня населения нашей страны.

Чем это закончилось?

Эту программу закрыли, а на ее руинах организовали программу под названием «Факультет ненужных вещей», но и она просуществовала очень недолго.

Сейчас канал «Культура», как и многие другие каналы, нередко предоставляется для научного мракобесия и преподнесения субъективной информации о событиях, происходящих в зарубежных странах.

Основное внимание фокусируется на недостатках, которые при этом еще и утрируются, из чего неизбежно вытекают два вывода.

Во-первых, «во всех странах существуют свои проблемы, но в нашей стране они выражены в несоизмеримо меньшем объеме».

Во-вторых, «зарубежные страны стараются навязать нам свои недостатки, а поэтому от них лучше изолироваться».

Я наблюдал процесс такого рода международной изоляции Российской академии наук, будучи советником президента РАН по международному научному сотрудничеству.

После принятия закона «О науке...» в 2013 году вновь избранный президент РАН, академик Фортов, в течение нескольких месяцев ликвидировал отдел многостороннего международного сотрудничества при президиуме РАН и наотрез отказался от запланированного проведения в Москве саммита президентов Академий наук европейских стран и от проведения генеральной ассамблеи Ассоциации европейских академий наук.

На планируемых мероприятиях предполагалось обсудить вопрос о реформировании РАН и его последствиях для развития науки в России и в мире.

Возвращаясь к кибернетической модели функционирования общества и государства.

Складывается впечатление, что существуют две крайние формы.

Во-первых, это социально ориентированные страны.

Я работал много лет во Франции и могу привести конкретные примеры социализации общества.

Ко второй, альтернативной категории относятся страны, которые можно считать олигархическими.

В этих странах колоссальный разрыв между уровнем жизни населения и олигархами, причем этот разрыв со временем увеличивается.

Это сопровождается оттоком капитала из страны.

Кто-то в процессе сегодняшней дискуссии сказал, что надо найти пути, чтобы эту «яму» как-то сокращать.

Нет таких путей на самом деле, если речь не идет о каких-то взрывных действиях.

Мне кажется странным, что мы не стараемся донести до широких масс результаты наших обсуждений.

Возможно, следует продумать, как это сделать в будущем, например, путем возрождения образовательной функции канала «Культура».

Благодарю за внимание.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Тосунян Г.А.: Михаил Вениаминович, я напомню Вам: уже порядка 10 сборников издано по результатам заседаний Научно-консультативного совета.

Наши обсуждения не остаются в узком кругу.

Сейчас они доступны и в виде печатных сборников, которые издаются тиражом в несколько сот экземпляров, и также на сайте можно их посмотреть, в электронном виде.

Мы эти сборники распространяем, в том числе во властных и общественных структурах и, конечно, в академической среде.

Я думаю, что Вы об этом знаете, потому что получаете эти издания.

Конечно, хорошо бы, чтобы и телеканалы нам площадку предоставили: вместо ток-шоу мы можем вести наши дискуссии в прямом эфире.

Елисеева И.И.: И половина участников перестала бы к Вам ходить.

Тосунян Г.А.: Не пугайте меня, пожалуйста.

Пока у нас состав участников только прибавляется.

Павел Алексеевич поднял руку.

Пожалуйста, Вам слово.

МЕДВЕДЕВ П.А.

д. э. н., профессор, финансовый омбудсмен АРБ

Спасибо всем докладчикам.

В прошлом веке жил-был человек по фамилии Фейнман.

Он играет здесь на барабане [*показывает иллюстрацию из учебника Фейнмана. – Прим. ред.*].

Но знаменит он не тем, что умел играть на барабане.

Во всяком случае среди тех людей, которые в то время, во второй половине XX века, получили хорошее физическое или математическое образование

Они все учились по его книге.

Вот она – «Фейнмановские лекции по физике», лучший учебник физики XX века, потому что Фейнман был великим ученым.

Поэтому те слова, которые я сейчас процитирую – его слова – чрезвычайно ценны.

А слова такие: «Кроме науки в жизни есть много других прекрасных вещей, например, любовь».

Если позволите, я ненаучно скажу два-три слова про любовь и ненависть.

Приблизительно 15 лет назад Гарегин Ашотович придумал для России идею финансового омбудсмена.

15 лет я эту идею воплощаю в жизнь.

15 лет более или менее удачно делятся на три пятилетки.

Они разные в смысле физиономий тех людей, с которыми финансовый омбудсмен имеет дело.

С кем имеет дело финансовый омбудсмен?

С людьми, которые чувствуют себя обиженными финансовыми организациями или псевдофинансовыми организациями – откровенными финансовыми мошенниками.

Какая физиономия была у обращающегося к финансовому омбудсмену в первой пятилетке?

А обращающихся довольно много: сначала их были десятки тысяч, сейчас заметно меньше, потому что наши возможности уменьшились, мы стали менее значимыми, сейчас – тысячи в год.

Какая была физиономия в первой пятилетке?

Обращались несчастные люди, несчастье которых объяснялось судьбой: был сильный, здоровый, имел работу, взял кредит, аккуратно платил, заболел, потерял работу – не может платить.

Во второй пятилетке стали прибавляться – постепенно, резкого роста не было – люди, в бедах которых виновны финансовые организации.

Напряженность отношений к финансовым организациям к концу пятилетки довольно заметно выросла.

Рост напряженности сопровождался пропорциональным возрастанием жесткости характеристик этих организаций в устах обиженных клиентов.

В третьей пятилетке, особенно к ее концу, главным виноватым стало государство и его представители.

В первой пятилетке никогда не выражалась ненависть к нам – к финансовому омбудсмену и его сотрудникам.

Во второй пятилетке проявление ненависти сводилось к двум-трем случаям в год.

Сейчас ненависть ко мне проявляется уже 1–2 раза в месяц.

Благодарности люди выражали с самого начала.

В первую пятилетку мы были очень успешны, помогали приблизительно в половине случаев.

Это для любого омбудсмена совершенно фантастический успех!

Обычно, если омбудсмен может помочь в 20% случаев, считается, что он большой молодец.

Потом медленно, но верно количество успехов уменьшалось.

Благодарности были с самого начала, правда, не особенно многословные.

Благодарившим казалось, что наш успех – дело естественное.

Теперь – пропущу вторую пятилетку – теперь благодарности очень многословны: поможешь буквально на копейку – поток добрых слов невозможно остановить.

Такое впечатление, что жители Калининграда сговорились с жителями Владивостока, а также Омска, Томска, Абакана, Краснодара и всех остальных городов и весей нашей безграничной Родины.

Обязательно, практически без исключений, сообщают мне, что я – единственный человек в России, который с ними разговаривает.

Такие ненаучные наблюдения я имел возможность сделать благодаря Фейнману.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Павел Алексеевич.

В наших условиях, если ты с людьми разговариваешь, то ты уже герой, это уже большое достоинство, это уже дорогого стоит.

Из всего можно сделать позитивные выводы.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр. РАН

Уважаемые коллеги, я хотел бы сразу поблагодарить всех докладчиков.

В сумме это очень внушительная презентация данных, относящихся к российскому обществу.

Хотя, должен отметить, она достаточно противоречивая.

Если в одной части мы обнаруживаем, что общество тяготеет к депрессии, то в другой ее части мы узнаем о том, что общество тяготеет к тому, чтобы повышать свою потребительскую активность и вообще настроено более-менее оптимистично в том, что касается будущего.

Как-то надо эти разные данные исследований согласовать между собой.

Я не знаю, каков может быть механизм согласования, но это необходимо сделать для того, чтобы была какая-то логика в наших представлениях о том, что происходит.

И еще одно.

Честно говоря, апелляция к американскому золотому стандарту меня не впечатляет.

США – это общество со своей социокультурной спецификой.

А Россия – это Россия.

Российское общество в нынешнем его состоянии заслуживает того, чтобы считаться особым обществом, с ярко выраженной спецификой.

Не стоит утверждать, что раз там золотой стандарт – 20% результативных интервью, то и у нас то же самое.

У нас может быть совсем по-другому.

Я не согласен с теми, кто говорит, что у нас доля отказавшихся от участия всегда была такой.

Это неправда.

Я проводил много исследований, в том числе в 80-е и 90-е годы: в те времена доля отказавшихся не превышала 10%.

В конце 80-х годов общество было на подъеме, энтузиазм был необыкновенный.

По мере того как события в постперестроечный период вызывали все больше разочарования, доля отказавшихся увеличивалась, а сейчас она доходит до 80%.

Для того чтобы понять, как проводятся опросы сегодня, представьте себя потенциальным респондентом.

В домах у вас консьержки, двери закрыты, случайным людям никто не открывает.

Интервьюеру к вам, участникам этого обсуждения, даже приблизиться невозможно.

Это означает, что средний класс, по большому счету, из области наблюдений выпадает.

И это настоящая проблема.

Кто же попадает в выборку?

Как правило, наибольший уровень достижимости мы видим в малых и средних городах России, в деревнях.

Соответственно, качество выборки страдает, принцип случайности нарушается.

Хотя, конечно, социологи делают усилия для того, чтобы нормализовать совокупность по некоторым параметрам.

Еще один пункт, на котором мне хотелось бы остановиться.

Если мы говорим о российском обществе, надо иметь в поле зрения не только достижения нашей общественной науки или опросов общественного мнения, но и то, что говорят психологи о том, как население реагирует на разного рода острые ситуации.

Я сейчас имею в виду прежде всего классические эксперименты Стенли Милгрэма, посвященные институциональному давлению и тому, как люди реагируют на него.

Думаю, что Тимофей Александрович знает, о чем я говорю.

Да, вот он кивает, знает.

Я хотел бы обратить внимание на работы Соломона Эша, посвященные конформности и тому, как люди реагируют на мнение других людей, прежде всего на групповой прессинг.

В сумме институциональное давление и групповой прессинг порождают существенное смещение в оценках у значительной части населения.

Как мы фиксируем эти смещения?

Практически никак – в этом наша проблема.

Мой пафос в том, что нам надо заниматься не только описанием полученных данных, но и углубленной методической работой.

Нам надо работать с отказниками.

Я не соглашусь с теми, кто говорит, что мы работаем в этой области.

На самом деле мы ничего не делаем в этом направлении.

Мы не знаем природу отказов, делаем вид, что природа отказов неизменна в разных ситуациях, в разных странах.

Подобный подход противоречит науке.

Природа отказов меняется на разных этапах развития, в разных ситуациях, в разных социальных группах.

Не исключено, что отказавшиеся совершенно не похожи на тех людей, которые соглашаются отвечать на вопросы.

Нам надо заниматься методической работой потому, что только в этом случае мы сможем адекватно интерпретировать получаемые результаты и понимать, насколько они в действительности характеризуют то общество, в котором мы живем.

А иначе мы окажемся в ситуации, о которой Юрий Владимирович Андропов сказал: «Мы не знаем общество, в котором мы живем».

Юрий Владимирович, может, и не знал общество, в котором мы тогда жили, а нам, наверное, все-таки стоит выучить уроки прошлого и работать точнее, тщательнее.

Спасибо.

МИРКИН Я.М.

д. э. н., профессор

Сегодня состоялось интереснейшее событие.

Еще раз сердечное спасибо за ту сумму представлений, презентаций данных, мнений, которые мы сегодня получили.

Если попытаться обобщить, мне кажется, что это представление о коллективном российском человеке как о человеке с ограниченной рациональностью, как человеке манипулируемом, хорошо управляемом.

Мне это напомнило ситуацию 1914 года, когда, как мы знаем от историков, был большой «патриотический подъем».

Напомнило ту ситуацию, когда издержки еще не дошли до каждой семьи.

Любые издержки: человеческие, в жизнях, экономические.

Понимая, что в целом картина, условно говоря, общей поддержки, при всех особенностях поведения отдельных групп, существует, для нас очень важен сейчас прогноз издержек.

Что будет происходить с издержками, и когда мы столкнемся с ситуацией, когда весомые издержки дойдут до каждой семьи?

Мы этого ожидали в экономике.

В экономике нам сейчас кажется, что глубокий кризис пока не состоялся.

Экономика оказалась гораздо более устойчивой, чем от нее ожидали, во всяком случае, с точки зрения потребления.

Хотя мы понимаем, что должны нарастать элементы мобилизационной экономики, директивно управляемой экономики – экономики, в которой все бóльшая часть расходов является не производительной, не связанной с личным потреблением.

Этот вопрос для меня сейчас центральный: где та точка резкого возрастания будущих издержек, сознания рисков, прежде всего в психологическом состоянии народа?

Это первое.

Второе, кратко.

Есть ли подобные исследования, которые проводились в кругу элиты – среди тех, кто принимает решения и тех, кто владеет значительными состояниями, среди высшего чиновничества или экспертных кругов, приближенных к высшему чиновничеству, среди этих 5–7% населения?

Что происходит именно там?

Кажется, что российский народ оказался пластичным существом.

Есть общая поддержка, хотя конфликт с близким соседом, с которым существуют теснейшие перекрестные связи, должен был бы нанести глубокую моральную травму.

Это другая ситуация, нежели события на Ближнем Востоке или на Дальнем Востоке.

В этом случае очень важно понимать, с точки зрения будущего, что происходит в умах элит – этого «верховного» существа, которое оказывает воздействие на более пластичного, коллективного российского человека.

Я понимаю, что такие исследования очень сложно проводить социологам или психологам.

Мне кажется, было бы полезно посвятить этому наше отдельное заседание для того, чтобы понимать ситуацию: что происходит и будет происходить.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Яков Моисеевич.

Коллеги, я прошу всех докладчиков выступить с заключительным словом.

Напоминаю о чате – там много комментариев.

Если кто-то из чатов в эту полемику устно и сжато хочет включиться, то возьмите слово – там есть очень интересные соображения.

Денис Александрович, Вам первому заключительное слово.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

I ВОЛКОВ Д.А.

Спасибо, коллеги.

Я как раз скажу про исследования настроений элит. Их очень мало, и чем дальше, тем их меньше становится.

Еще лет 15 назад многие социологические организации такие исследования проводили.

Сейчас у Александра Александровича Аузана, может быть, есть какие-то данные, в силу участия в программах подготовки российских лидеров, чиновников.

Был еще опрос, который Высшая школа экономики проводила с американцами.

Но в последнее время, последние лет 10, не совсем понятно, кого они опрашивают и кого достигают.

Этого очень мало, но, наверное, найти что-то можно.

Что касается опросов населения, то я здесь не разделяю пессимизма некоторых выступающих.

На мой взгляд, опросы общественного мнения – это один из немногих инструментов, который позволяет хотя бы как-то, при всех ограничениях, представлять, что происходит в российском обществе.

Мы должны, конечно, говорить об ограничениях этого инструмента.

Но других инструментов просто нет.

В последний год много звучало критики в адрес опросов.

Но что предлагалось из реальных альтернатив?

Часто критики говорят, что им не нравятся конкретные исследования, и предлагают смотреть другие исследования, результаты которых им нравятся.

Это, конечно, неправильный подход.

Единственная альтернатива, которая предлагалась специалистами, – это этнография, глубинные интервью.

Да, это позволяет, наверное, глубоко погрузиться в то, что думает респондент, как-то докопаться до сути.

Но это не дает представления о масштабах явления, общественном мнении в масштабах всей страны и в разрезе различных групп.

Так что при всех ограничениях, на мой взгляд, опросы являются одной из немногих возможностей хотя бы примерно понять то, что происходит.

Может быть, это не точная «линейка», но по крайней мере мы эту «линейку» используем на протяжении длительного времени.

Если мы говорим о достижимости, то в последние годы она более-менее постоянная.

Действительно, в начале 90-х был запрос у людей отвечать на опросы.

Это быстро закончилось, где-то к 1996 году.

В последние годы это все-таки более-менее постоянная величина, поэтому, мне кажется, пользоваться можно при всех оговорках.

Одно слово о том, что в чате было.

Наши исследования – именно о российском обществе.

Мы используем инструменты, которые могут использоваться в разных странах.

Но результаты этих исследований – именно о российском обществе.

Они и позволяют нам понимать то, что происходит.
Спасибо.

ПРЕСНЯКОВА Л.А.

к. полит. н.

Коллеги, постараюсь быть краткой.

Первое, с чего я хочу начать, это поблагодарить аудиторию, которая четыре часа не просто слушает, но слушает внимательно и комментирует наши выступления.

Я впервые в такой благодарной аудитории.
Спасибо огромное.

Еще хочу поблагодарить моих коллег-содокладчиков, потому что доклады с разных сторон позволяют всем – и мне, например, как исследователю моей узкой темы – расширить фокус, расширить взгляд и способы интерпретации, которые я получаю.

Что касается данных, я хочу нас всех предостеречь от двух моментов.

Первое – от идеалистического представления о том, что может быть изобретен идеальный инструмент, который померяет всех, и все данные будут собраны в один прекрасный массив, по которому можно строить регрессии, структурные уравнения и так далее.

Этого не будет никогда, наверное, – это очень сложно.

И слава Богу, что мы сейчас начали какое-то движение друг к другу на этой площадке, и не только на этой площадке, – начали обсуждать и взаимно интегрировать данные психологических, политологических, социологических исследований, данные населенческих опросов, данные панелей, лонгитюдов и так далее.

Мы в начале этого пути.
Путь этот будет долгим.
Он все равно не придет в идеальную точку.

Второе, от чего я хочу предостеречь всех нас, – от того, чтобы мы не забывали включать рефлексию при интерпретации данных, которые мы получаем.

Потому что, собственно говоря, коллеги, мы даже не средний класс здесь, а тот самый кусочек элиты, который предлагает исследовать Яков Моисеевич.

Да, мы – ее часть, доля которой в населении очень маленькая.

Поэтому мы наше мнение и не видим в распределении мнений респондентов, что зачастую вызывает когнитивный диссонанс.

Нам надо включать рефлексию и понимать, что есть другая совершенно перспектива.

И я хотела прокомментировать чат.

В чате огромная полемика развернулась вокруг проблематики неравенства.

И это очень симптоматично.

Я думаю, что тема неравенства будет ключевой темой общественных, социальных и политических дискуссий в ближайшее время, если не будут предприняты какие-то специальные меры снижения неравенства для демпфирования этой проблематики.

Тема зрела давно.

Переживание неравенства – одна из причин того самого ресентимента, который сейчас так распространен в общественном мнении.

И это на фоне совершенно беспрецедентного уровня психологических проблем, с которым наше общество сталкивается, которые стартовали еще в пандемию.

Мы не просто сейчас в экономическом кризисе – мы в социальном, мы в политическом, мы в многоуровневом кризисе.

Проблематика неравенства, которая раньше зрела, тлела как угольки, сейчас может оказаться одной из точек взрыва.

Поэтому надо максимально на нее обращать внимание.

В этом отношении стимулирование потребления с точки зрения личных и персональных политических ценностей – я, скорее, за разумное потребление и за ограничение.

Недавно кто-то из министров предложил джинсы не покупать каждый год – я целиком и полностью «за».

Но в текущей ситуации я считаю, что у людей должна оставаться возможность покупать джинсы три раза в год или сколько им хочется.

Для того, чтобы чувствовать контроль хотя бы над своей материальной ситуацией и даже своей внешностью.

И продолжая тему, что экономика у нас сейчас настроена на потребительскую гонку: надо сначала аккуратно перестраивать механизмы экономики, а потом уже приучать народ к аккуратному потреблению.

Если у тебя телефон ломается через два года пользования, ты просто вынужден идти и покупать новый телефон.

Не от желания, а от того, что у него не работает соответствующий софт.

Поэтому неравенство – это наша очень острая тема на ближайшую перспективу.

Спасибо.

НЕСТИК Т.А.

д. п. н., профессор РАН

Коллеги, прежде всего мне хотелось бы еще раз поблагодарить за вопросы и замечания ко всем нам.

Ваши комментарии не только подталкивают к новым исследованиям, но и позволяют лучше понять, как уже полученные результаты могли бы помочь нашей экономике, помочь нашим согражданам.

В том числе с учетом нашей культурной специфики и в условиях конформности, о чем говорил Михаил Федорович, и вопреки манипулируемости, на что обращал внимание Яков Моисеевич.

По теме неравенства хотел бы заметить, что введение прогрессивной шкалы налогов чаще всего происходило как раз во время или после крупных военных конфликтов.

Безусловно, рост актуальности, значимости для общества этой проблемы уже чувствуется.

Мы в лонгитюдных исследованиях это видим.

Я просто не обо всем мог рассказать в своем докладе, просто время не позволило бы.

Эта проблема будет все более острой и решающей для дальнейшего развития событий.

Откликаюсь на вопрос Якова Моисеевича об исследованиях психологического благополучия элиты.

Я, честно говоря, не припомню в последние годы каких-то существенных, значимых исследований в этой области, по крайней мере со стороны психологов.

Да и вообще опросы в этой закрытой, труднодоступной для исследователей во всех странах группе очень редки.

Я не переоценивал бы значимость индивидуальных психологических состояний и личностных характеристик.

То, что мы знаем об элитах, говорит, напротив, о том, что учитывать нужно именно групповые процессы, которые разворачиваются при принятии решений.

Если мы посмотрим на ситуацию, в которой руководители самых разных уровней принимают решения, то это прежде всего условия тревоги и неопределенности.

А мы знаем о том, что в таких условиях растет конформность, повышается то, что иногда называют когнитивной завершенностью, то есть это готовность принять какое-то простое, часто радикальное и непродуманное решение, растет приверженность уже принятым ранее решениям.

Кроме того, известно, что в таких условиях обедняется сеть внешних контактов.

То есть мы в связи с этим, опираясь только на близкий круг, на людей проверенных, которым мы в наибольшей степени доверяем, становимся менее чувствительными к «слабым сигналам» приближающихся вызовов.

Растущая таким образом однородность группы приводит к еще большему сдвигу, к риску еще большей радикализации разделяемых в этой группе оценок и позиций.

Поэтому я думаю, что на психологию элит сейчас нужно смотреть именно с точки зрения групповых, а не индивидуальных процессов, с точки зрения социально-психологической.

Еще раз присоединяюсь к благодарностям, которые высказали мои коллеги.

Я хотел бы поблагодарить и их самих.

Мне кажется, что сегодняшняя наша дискуссия позволила лучше разглядеть разнонаправленность изменений, происходящих в нашем обществе.

И чтобы лучше узнать общество, в котором мы живем, чтобы делать прогнозы влияния психологического состояния общества на экономическую и политическую ситуацию, о чем говорили Дмитрий Викторович и Яков Моисеевич, нам нужно объединять усилия представителей разных наук.

И мне кажется, что первым шагом в этом направлении мог бы стать большой экономико-психологический мониторинг, результаты которого мы могли бы обсуждать сообща, с участием разных институтов РАН, а в перспективе – и крупные лонгитюдные исследования, которые нужны для того, чтобы понять, где причина, а где следствие.

Спасибо еще раз, коллеги.

Спасибо, Гарегин Ашотович, за приглашение.

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н.,

научный руководитель Института философии РАН

Я присоединяюсь к благодарностям.

Прекрасные доклады.

И самое главное – в целом очень содержательный разговор, который все-таки дал нам какое-то представление об общественных настроениях в нашем обществе, о психологических настроениях.

Конечно, я еще раз оговариваюсь, как и в предыдущие разы: речь не идет о том, что я какие-то итоги подвожу, но все-таки какие-то свои суждения хочу сказать.

Итоги, скорее, здесь подводили Дмитрий Викторович и Михаил Федорович, и Гарегин Ашотович, видимо, продолжит свое вступление, которым он открывал наше заседание.

Какие-то обобщенные оценки уже были высказаны.

А я – только о каких-то отдельных вещах.

Прежде всего то, о чем Михаил Вениаминович так настойчиво и постоянно говорит, – о том, что мы варимся в своем соку и не выходим на тех людей, которые принимают решения, на широкую аудиторию.

Конечно, не приходится оспаривать это утверждение.

Плохо, что люди во власти не интересуются нашими суждениями.

Но я хочу сказать, что наши обсуждения, в том числе в рамках этого формата, который сейчас имеет место, выходят за пределы того, что можно назвать популяризацией знаний.

Ведь мы не только рассказываем друг другу о том, что мы знаем, – мы в известном смысле находимся в исследовательском режиме, мы взаимно обогащаемся.

Наши субботние «Рабочие завтраки» в значительней мере могут считаться формами коллективной научной работы.

Нам важно самим прийти к правильным выводам.

Наши собрания напоминают теоретические семинары Института Доверия, Достоинства и Права и Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН.

Сегодняшнее обсуждение, мне кажется, дало достаточно материала для размышления.

В частности, я вот на что обратил внимание.

В докладах, фиксируя то или иное психологическое отношение по конкретным вопросам, формулируя это настроение, затем докладчики ставят вопрос: а каковы причины?

Хотят дойти до причин.

До социальных причин, экономических, связывают с полом, с возрастом, с образованием и так далее.

То есть, казалось бы, вполне нормальный ход мысли: зафиксировать эти настроения, выявить порождающие их факторы, чтобы через воздействие на эти факторы можно было взять под контроль сами настроения.

И тут мы обнаруживаем странную вещь – во всяком случае, для меня странную.

Она звучала, кстати в одном из вопросов, по-моему, Якова Моисеевича: можно ли признать такой подход к общественным настроениям в качестве рационального?

И в самом деле, мы имеем и слышали много характеристик социально-психологических настроений, которые вообще нельзя рассматривать как рациональные.

Скажем, здесь были представлены ответы на вопрос о том, как экономические санкции будут влиять на Россию, сделают ли они нашу страну слабее или нет.

И 53% сказали: экономические санкции сделают Россию сильнее.

Можно ли такое суждение считать рациональным?!

У меня такое впечатление, что, конечно, сама психология, психологическое состояние и в его личностной перспективе, и в социальном измерении – это, конечно, область, которая входит в сферу сознания.

Но все-таки это область, которая находится за пределами по крайней мере научной рациональности, а в определенном отношении – и за пределами здравого смысла.

Я обратил внимание на такую вещь.

В первом докладе – докладе коллеги Волкова – один из основных сюжетов был связан с ответом на вопрос, идет ли страна в целом по верному направлению или по неправильному, неверному направлению.

Такой действительно простой, казалось бы, вопрос.

Но при грамотной обработке он дает довольно точное представление в целом об общественных настроениях, о векторе этих настроений.

И вот что странно.

Те, кто считает, что страна идет по верному направлению, в качестве решающих факторов, которые это доказывают, ссылались на благосостояние людей и на доверие к политике, руководству.

И там только на первом месте состояло благосостояние людей, а на втором – именно доверие к политике.

Но на этот же вопрос люди, утверждавшие, что страна идет в неверном, неправильном направлении, в качестве аргументов ссылались на те же факторы: политика и благосостояние людей.

И те и другие аргументировали одними и теми же факторами.

Только вторые (те, которые считали путь страны неправильным) на первом месте ставили политику (мол, этот путь разрушителен для политики, идеологической консолидации), а на второе они ставили благосостояние людей.

То есть из одних и тех же оснований люди выводили и объясняли свои диаметрально противоположные психологические установки.

О чем это говорит?

Мне кажется, это говорит об очень важной вещи, а именно о том, что психологическое состояние – будь то личность, будь то общество, – оно само по себе является самостоятельным фактором.

Что оно не является производным фактором.

Конечно, оно имеет свои причины, это не трансцендентная какая-то величина, весьма реальный фактор.

Но он является самостоятельным.

И его надо принимать и учитывать в качестве самостоятельного фактора.

И напрасно думать, что его как фактор можно взять под контроль.

Под контроль таким образом, чтобы им управлять, направлять в нужное, желательное русло.

Вот это мне кажется очень важным.

Конечно, здесь говорили о важных и правильных вещах и Дмитрий Викторович, и Тимофей Александрович, утверждая, что эти причинные связи между психологией и реальными процессами можно схватить, взять под контроль, если в междисциплинарном союзе работать и психологам, и социологам, и экономистам.

Наверное, такие коллективные усилия дадут какой-то дополнительный эффект.

Но тем не менее они не создадут качественно новую ситуацию и не переведут складывание общественных настроений из спонтанного режима в управляемый.

Моя мысль простая: психологический фактор и настроения общества надо рассматривать как самостоятельный феномен и как самостоятельный фактор.

И в этом смысле, конечно, исключительно важно понимать, что говорил Ушаков Дмитрий Викторович, рассматривая, каким образом психология трансформируется в поступки, к каким она приводит действиям.

Допустим, мы знаем, что психология в личностном плане всегда связана с индивидуальной ситуацией конкретного человека.

Она вообще принципиально индивидуализирована.

Вы ее все равно не сможете подвести под какие-то общие рубрики, потому что каждый человек единственен, он занимает свое место, он имеет свое тело, имеет свою душу и тому подобное.

И состояние общества каждого, оно тоже индивидуализировано.

Оно тоже в каком-то смысле единственное.

И общество, как и отдельный человек, обнаруживает некую совокупность общих реакций, настроений.

Почему и как это происходит?

Например, за последние годы возросли роль и удельный вес ненормативной лексики в публичном общении, до такой степени, что теряется грань между ними в определенных сферах общения.

Это не только факт языкового общения, но и важный симптом общественных настроений людей.

А когда речь идет о таких устоявшихся настроениях, это уже не симптомы болезни, а сама болезнь.

Еще раз спасибо нашей междисциплинарной команде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович.
Четыре с половиной часа уже идет наше заседание.
Это, конечно, много.

Давайте завершать, если никто не настаивает на слове.

Я предыдущие два заседания хвастался, что мы уложимся в три часа.

Но в то же время настолько интересно сегодняшнее обсуждение, что я не сомневался, что оно затянется больше чем на три часа, хотя не думал, что настолько.

Хочу поблагодарить всех докладчиков и тех, кто принял участие в дискуссии, которая на самом деле совсем не завершена, поскольку мы слышали больше вопросов, чем ответов.

Хочу Абдусалама Абдулкеримовича поблагодарить за важную мысль, которую нам нужно, видимо, многократно повторять, чтобы мы понимали, зачем мы здесь собираемся.

Мы собираемся не только и не столько за тем, чтобы до кого-то донести наши выдающиеся мысли и идеи, а собираемся затем, чтобы сначала до этих мыслей и идей дойти.

Нам необходимо понять, что действительно нужно сделать, какие у нас есть позиции, в которых мы настолько уверены, что единственная проблема, которая остается, – донести до миллионов слушателей наши порой очень ценные мысли.

И до власть имущих тоже!

Давайте честно признаемся – я об этом уже говорил в начале нашего заседания, – что мы на многие вопросы сами не имеем пока ответов.

Когда мы их грамотно и однозначно сформулируем и, как Абдусалам Абдулкеримович сказал, осмыслим и придем к нужным выводам, – тогда мы найдем форму их донесения.

Хотя и сейчас мы это уже делаем, не буду совсем умалять нашу роль.

Особенно Абел Гезевич, Виктор Меерович и другие наши коллеги.

Они имеют ряд предложений, которые формулируют и доводят до властных структур.

Но все-таки ключевое, что нам сейчас необходимо, – это самим себя услышать, понять друг друга и грамотно сформулировать важные идеи.

Теперь применительно к тому, что мы сегодня обсуждали.

Я еще раз повторю, что услышал больше вопросов, чем ответов.

Точнее так: вопросы, которые были поставлены, они, конечно, требуют существенной доработки инструментария изучения общественного мнения и методов влияния на него.

Потому что это, видимо, те инструменты, которые относительно недавно стали использоваться в нашей стране,

Если не считать те примитивные инструменты советской идеологии, которые КПСС использовала в период своего правления.

Сказал «примитивные инструменты» и понял, что не прав.

Эти методы идеологической обработки прекрасно работали почти 70 лет.

Значит, для того времени – локально! – были вполне эффективными, если забыть, что эти методы в итоге развалили страну.

В качестве примера отвлеку ваше внимание на свою студенческую историю.

На третьем курсе обучения на физическом факультете МГУ мы с группой однокурсников попытались провести анкетирование.

Это было очень наивно.

Мы от руки набросали 10 вопросов по поводу формализма и догматизма в комсомоле и процедуры проведения так называемого «ленинского зачета», который каждый «уважающий себя комсомолец» должен был сдавать ежегодно.

Тогда не только ксероксов не было, но и печатные машинки были в дефиците.

Поэтому с моим другом с факультета журналистики напечатали на его машинке 30 экземпляров – по три экземпляра через копирку, – собрали собрание и провели анкетирование.

А потом, если кратко, нас вызвали на партком и сказали: «Вы что? А если бы эти исследования, эти ваши

анкеты оказались бы в руках иностранных журналистов? Вы представляете, что бы было?»

В общем, чудом обошлось, из комсомола нас не выгнали, но пальцем серьезно погрозили 17–18-летним детям.

Не буду сейчас в подробностях рассказывать эту детективно-идеологическую историю.

Скажу только, что такое насилие над нашим здравым смыслом и достоинством наложило отпечаток на всю нашу последующую жизнь и мышление.

Признаюсь, что мы на себе тогда испытали, к чему может привести любая попытка узнать и проанализировать мнение окружающих и что это может быть расценено как преступление против страны (в действительности, в интересах страны, но против режима!).

Конечно, надо признать, нас попросту пожалели.

Но с другой стороны, побоялись, что если подойти к нам слишком жестко, то может случиться скандал.

И тогда информация уйдет за пределы факультета и университета, а это уже риски для руководителей парткома.

В том числе, в связи с этими моими студенческими воспоминаниями, у меня глубокое сомнение в том, что среди тех, кто отказывается отвечать на вопросы, примерно та же пропорция позитивных и отрицательных ответов, что и среди тех, кто отвечает на социальные опросы.

Людмила Александровна, Вы, кажется, на этом настаивали.

Думаю, что это не так!

Равно как и, полагаю, должна быть продумана система мотивации людей к тому, чтобы участвовать в этих опросах.

Чтобы те, кто хочет свое мнение донести и сделать публичным, были бы чем-то простимулированы, но не конфетками и колбасой, а морально-этическими стимулами.

Психологи могут такие стимулы найти!

Многие люди не хотят быть просто статистами.

Некоторые отказываются от этих опросов из соображений какой-то псевдобезопасности, чтобы вдруг к ним потом не было претензий.

Поэтому надо выявлять причины отказа и пытаться все-таки расширять аудиторию.

Я уже начинаю рекомендации давать социологам и психологам – это, наверное, неправильно.

Но найти какие-то стимулы было бы полезно.

То, что происходит с обществом, это очень сложный, трудно оцениваемый и рассчитываемый в своей динамике процесс.

Он требует неустанного многостороннего и междисциплинарного изучения.

Сегодня мы эту идею и реализуем, когда психологи и социологи вместе делают общий доклад о состоянии нашего общества.

Да, с внутренними противоречиями, но вместе подготовили прекрасные выступления.

И полагаю, обозначили целый блок вопросов, над которыми будем и дальше коллективно работать.

Сегодня затрагивались вопросы, связанные и с детской психологией, и с расслоением общества, и со многими другими направлениями.

Я ставил вопрос о психологическом расслоении и его корреляции с материальным расслоением.

Можно другие аспекты на очередных наших заседаниях выделить и обсудить, если инициатива найдет своих докладчиков.

Было очень интересное заседание.

Спасибо всем докладчикам и участникам.

Здоровья всем!

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН и НИИ ДДиП**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
3. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
4. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
5. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.
6. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.

7. Новая экономическая реальность: региональный разрез», Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
8. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы» (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
9. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 148 с.
10. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
11. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 163 с.
12. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 128 с.
13. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат; 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 148 с.

14. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 187 с.
15. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики» (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 152 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке

<https://rannks.ru>

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Материалы совместного заседания
НКС ООН РАН и НИИ ДДиП
18 марта 2023 года

Выпуск №18

Электронную версию сборника
и презентации докладчиков можно скачать по ссылке

<https://rannks.ru>

Подписано в печать 09.11.2023
Формат 60x90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ №100

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков — реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Целью института является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Этот институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.